

АЛЕКСАНДР СИРОТА

ПРОПАВШИНЕ

Аннотация

Роман Александра Сироты «Пропавшие» — это мистический триллер, написанный автором в лучших традициях короля ужасов Стивена Кинга. Писатель переносит читателя в необычайный мир, который полон мистики, загадочных событий и головокружительных приключений героев книги.

Обычные люди и потусторонние сущности сплетаются в дивный танец жизни и смерти. И чем закончится эта пляска, неизвестно до самого конца... Динамичный сюжет не позволит читателю заскучать над этой книгой. Затянет с головой в омут непредсказуемых событий и невообразимых мистерий.

Произведение трудно отнести только к одному жанру. Это своеобразный литературный «микс», в котором, безусловно, превалирует хоррор, но также есть элементы детектива, комедии, любовной драмы. Книга имеет свой неповторимый шарм. Она «дышит» новизной и необычностью.

На фоне пестрого узора, сотканного из сюжетных линий этой истории, красной нитью прошит подтекст автора. «Цените то, что имеете, — ведь потеряв истинную ценность, назад вернуть ее получается далеко не всегда».

Александр Сирота Пропавшие

Авторское предисловие

*Крылья, сброшены
на землю
Мы больше никогда...
не полетим на свет.
И в этой позабытой,
Господом вселенной,
не надо ждать любовь
Ее здесь больше нет*
Трофим

Имена, отчества и фамилии всех действующих лиц, как и происходящие с героями книги события, являются вымышленными. Любые совпадения случайны и не имеют отношения к реальным людям или событиям в реальной жизни.

Автор искренне верит, что его творение принесет истинное удовольствие читателю. Каждому, кто держит в руках эту книгу, желает приятного времяпровождения за чтением.

Глава I

Первоначальные признаки

Утро выдалось ясное; впрочем, как это и положено в летнее время года. Солнце постепенно сжирало остатки ночной прохлады. Июльская жара уверено захапала бразды правления в свои жаркие объятия, грозясь иссушить всё и вся на своем пути.

«Нива», неспешно продвигался по ухабистой грунтовке, подбираясь к выезду на дорогу с асфальтным покрытием. Водитель погрузился в размышления, обдумывая хитро-сплетения предстоящего рабочего процесса. Снова предстояла утомительная рутина. Опять чертова круговерть давит на мозги... Утренняя поездка в город — штука обязательная. Получить разнарядку на текущую неделю — дело необходимое. Да и без втыка за что-нибудь не обойдется. Внеочередное «поощрение» — это вам всегда, пожалуйста!

— Блин, идиотизм какой-то, — раздраженно размышлял Андрей. — Каждый божий день — крутишься, вертишься, как белка в колесе, туда-сюда... туда-сюда! Вот вам и то, и это! Все равно в чем-то виноват окажусь! В канторе этой долбанной — вечно какую-то новую заразу придумают, то новая форма отчета, то наряд неверно закрыл!.. Лишь бы воду в ступе колотить — крысы канцелярские! Мать бы их за ногу!..

Начальников этих... — лоб его от тягостных мыслей аж покрылся испариной.

Погружённый в думы тяжкие, он вырулил на трассу, даже не взглянув, нет ли помехи движению.

— Кстати, — удивился он, — почему это мне никто до сих пор не позвонил?!.. С утра-то трезвонят обычно частенько. Странновато это, однако... — Зыркнув на панель, увидел время — 9:05.

Выудил из кармана мобилку, взглянул на дисплей и снова удивился. — Во-ка штука?! Нет связи, интересно, с какого это перепугу?..

Не так давно в поселке установили новую вышку. С тех времен со связью проблем не возникало.

«Нива» тем временем неспешно двигалась по центральной улице. Андрей перевел взгляд на магнитофон. Включил радио, в динамиках неприятно зажужжало фоновое шипение помех на FM. Переключил на вторую радиостанцию. Опять только гул и скрежет. Непонятно... и почему-то неприятно.

Он выехал за черту населенного пункта. Дома остались позади. Впереди начинался лесной массив. Дорога пронзала зеленые дебри и уходила вдаль извиваясь поворотами, словно исполинский змей.

Андрей уже подъехал достаточно близко к лесу, в поле его зрения попало какое-то оранжевое

пятно. Подкатив чуть поближе, он разглядел пёстренький автомобиль. Машина стояла прямо посреди дороги, перегородив проезд.

«Какой же это кретин так удачно припарковался?!» — Мысленно вознегодовал Андрей. Он вплотную подъехал к оранжевой колымаге, гордо зовущейся «москвичом» и остановился, вдавив педаль тормоза в пол. Гнев его сразу же улетучился, сменившись состоянием недопонимания.

Некоторое время он сидел в своем водительском кресле, смотрел сквозь лобовое стекло взором лунатика и силился сообразить, что к чему, но это у него не очень-то хорошо получилось.

Старенький «москвичик», полыхал на сером асфальте пестро-оранжевой расцветкой. Машинка выглядела как престарелая «жар-птица», побитая жизнью жестоко и безжалостно.

Андрей, мельком, и как бы, между прочим, оценил ее состояние, искренне поражаясь извращенным водительским вкусам. «Москвич» был расфуфырен донельзя. На заднем стекле красовалась наклейка — «язык, бесцеремонно вывалившийся из напомаженного рта». Украшение это было далеко не единственным. Бренное тело автомобиля утыкали великим множеством подобных «прибамбасов». Вся эта лепнина, превратила машину в убогое подобие

тюнингованой тачки.

Ему вспомнилось, что в народе, такие вот цветастые драндулеты, обычно обзывают новогодними елками, а их хозяев, не иначе как самодурами, или просто людьми, не имеющими полного набора шариков в голове.

Сейчас хозяин оранжевого драндулета стоял возле своей машины с открытым ртом, взирая на диковинную штуковину, которая и заставила его бросить автомобиль прямо на проезжей части.

Глаза Андрея переметнулись туда же...

...ему сразу же стало душно. Он отворил дверь и поспешил выбрался на улицу.

Открывшаяся глазам картина оказалась очень странной и абсолютно непонятной. Будто плод фантазии писателя-фантаста, ожил и ворвался в действительность.

Дороги, как асфальтной плоскости предназначенной для передвижения машин, уже не существовало.

Пролет между двумя параллельными стенами леса, просто пропал. Там, где еще вчера пролегал асфальтная траса, пространство изменилось, пренебрегая всеми законами бытия. На месте ранее ровенького асфальтированного покрытия возвышались деревья и кустарники. Толстый слой лесной подстилки сплошь покрывал поверхность земли. На общем фоне соснового массива, проем

выглядел будто шрам на теле.

Корявые деревья и густо поросший кустарник сформировали два яруса «нового» леса. Кое-где еще смутно просматривался профиль дорожного настила. То там, то сям, рыхлый асфальт бугрился выпуклостями. Корни древесных растений разрушили его монолитную структуру. Вид у этого места был такой, будто дорогой не пользовались добрую сотню лет, и сама природа естественным образом разрушала творение человеческих рук.

Андрей тарашился на «когда-то существовавшую... вчера существовавшую дорогу». Мозг его вроде, как и не отключился полностью, но в голове все же стало пустовато.

«Наверное, я не туда заехал... — вспыхнула мысль, — ...но как это не туда?.. В город же одна дорога, вот эта... можно еще проехать полями, ну или...»

Мозг снова заклинило и он начал потихоньку закипать мечась в поисках логического объяснения которого не существовало.

Вчера, этой же дорогой, Андрей преспокойно ездил в город. Ничего такого здесь и в помине небыло. В конце концов, он решил, что какое-то объяснение все же найдется... Он потихоньку вышел из ступора, еще раз осмотрелся по сторонам и ище раз удостоверился что это не галлюцинация. Все есть так, как оно есть. Исчезнувшая дорога и

два мужика, которые сейчас таращатся уже на него с раскрытыми ртами.

«Неудивительно, — подумал он, — что ребятки меня сразу не заметили. Я бы и сам, наверно, танка подъезжающего не услышал...»

Владельцем старенького «москвича» был невысокий, сухопарый мужичек по имени Петро. Рядом с ним стоял его сын Сашка — в меру упитанный молодой человек, обладатель трехдневной рыжей щетины и устойчивого запаха добротного перегара.

Переключив свое внимание Андрея, они немного поправили свои ошарашенные мины. В их глазах читался немой вопрос относительно учинившейся дилеммы.

Небритый Сашка поспешил его озвучить:

— Андрюха?! а это что?.. лесничество на дороге лес посадило? — Вопрошающий таращился на Андрея мутноватым взглядом. Соображал он сейчас слабовато. Вчерашнее веселье было тому виной.

Да, Андрей как работник лесного хозяйства, отвечал за данный участок леса, и по идее, должен быть в курсе всех лесных дел. Лесных... но никак не дорожных. Андрея этот тупой вопрос разозлил. Он в сердцах сплюнул на асфальт и выдал что пришло на ум:

— Сашуня?.. Ты с головой дружишь вообще?..

Чего ты лепишь?.. Какое лесничество?!.. Тут еще вчера дорога... была... нормальная... обычная. Откуда мне знать, что это за байда такая?!

Сашка скорчил кислую мину и предпочел умолчать. У него адски болела голова, и все сегодняшние новшества, какими бы они там ни были необычайными и чрезвычайными, блекли в его больной головушке на фоне похмельного синдрома.

— Ребятки, — вступил в разговор Петро, почесывая загривок, — тут ведь чертовщина такая... какая-то не такая... без ста граммов и не разобраться. На работу мы верно сегодня не попадем...

При упоминании о ста граммах и неожиданной перспективе выходного дня Сашка улыбнулся, предвкушая скорый опохмел.

— Так поехали домой, чего нам тут торчать?! — подхватил он идею папаши. Загадочное исчезновение дороги его уже мало интересовало. А вот сто граммов с утраца — это, бальзам больной головушке! Это, дело! Это, как раз таки то, что нужно! А о дороге этой пускай лошадь думает, у нее башка больше.

— Да-а-а-а, — протянул Петька на выдохе, — ничего мы тут не выстоим. Наверно пилить придется!.. Лабуду эту!.. Как же оно выросло все тут?!

Андрей, молча пожал плечами. Ощущение угнетенности его не покидало.

— Ну ладно. Мы домой. А ты Андрюх как?

— А я тут... подежурю еще немного.

— Ну как знаешь Андрюх. Бывай здоров тогда.

— И тебе Петька не хворать.

На том и распрощались.

Водитель уселся за руль своей престарелой «жар-птицы», как ее про себя назвал Андрей. Сашка уже давно восседал на пассажирском сидении, предвкушая скорое «лечение».

Стартер натужно зажужжал. Оживший двигатель недовольно грохотнул через проржавевший глушитель. Петро потихоньку вырулил задним ходом, включил первую, поддал газу и неспешно покатыл в сторону родного дома.

Андрей остался в полном одиночестве. Один на один с несуразицей в виде внезапно исчезнувшей проезжей части и выросшего на ее месте диковинного лесочка. Возвращаться домой не хотелось. Да и тут, наедине с этой непонятностью оставаться тоже желания не было. На душе стало как-то паршиво, и даже боязно...

Выудив из кармана телефон, он снова взглянул на дисплей; связь по прежнему отсутствовала. Время шло вперед. Набежало 9:52.

«Да, — думал он, — в город я сегодня тоже не

попадаю. Ну, так и что?.. Нужен он мне этот город! Обойдутся и без меня... начальники эти... недоделанные. А эти два... вот алконавты! Вот народ! Такое тут творится, а им хоть бы хны! Лишь бы зеньки поскорей залить. Ну народ!.. А этот чего ляпнул... Лесничество, посадило среди дороги лес!.. и он, тут тебе сразу, за одну ночь, взял и вырос!.. Это ж надо до такого додуматься — идиот тупой!..

Хотя... ну как-то же это все получилось?.. какое-то объяснение этой всей красоте должно быть?!.. Ну а как по- другому?..»

Андрей снова всмотрелся в заросший проем, оценивая его профессиональным взглядом. Породный состав древостоя отличался от чистого соснового бора, росшего здесь с незапамятных времен. Но он оказался тоже вполне подходящим, как для порослевого насаждения этого региона. Произрастали в «новом лесу», в основном клены, вязи, акации, немного порослевой сосны. Деревья хоть и корявые, но довольно толстые. Навскидку — возраст их, лет под пятьдесят.

..Но их ведь еще вчера здесь не было ...

— Стою я тут, — мыслил он, — наверное, уже минут сорок, а кроме Петьки и Сашки здесь больше никого-то и не было. Интересная штука выходит... траса то проходящая, а машин нет. Как-то сегодня все неладно... и нескладно. Совсем нескладно.

Утром же машин полно должно быть... траса ж, проходящая... и вообще... вымерли все... что ль? Где ж народ-то подевался?..

Он оглянулся в сторону поселка и тут же обрадовался.

Из-за поворота показалась черная «десятка».

— Валерка! — сказал он в голос сам себе. —

Ну, хоть кто-то нормальный!

Автомобиль ехал медленно. Он даже не ехал, а просто полз как черепаха. Для Валерки такая езда была совсем не свойственна. Он любил скорость.

Через полминуты «десятка» оказалась рядом с «нивой». Водитель открыл дверь и вылез наружу.

Валерка, был мужиком добротного телосложения. Краснощекий. Круглолицый. Лицо добродушное. Аля мультяшный богатырь — Алеша Попович.

Однако сейчас он имел вид довольно сконфуженный и растерянный, а может, и вовсе потерянный.

Андрей понял, что Валера держит путь на работу. Только поздновато как-то. Ведь уже почти десять.

Богатырь-Валерка выпрямился в полный рост и осмотрелся по сторонам. Глаза его нервно бегали туда-сюда, будто он потерялся в пути, и сейчас силился определить, куда же его занесло.

Взгляд его, конечно же, остановился на

диковинной метаморфозе.

По выражению напряженного лица можно было понять — он удивлен, он ошарашен, он шокирован. Но еще, в его взгляде угадывалась какая-то загнанность и даже обреченность. Понимание и осознание ситуации.

Будто он предполагал увидеть нечто необычайное. Через полминуты, лицо его вовсе стало мертвенно-бледным, превратилось в каменную маску.

Андрею показалось что, он сейчас грохнетя в обморок.

Но богатырь-Валера был не из тех.

Он сначала проямлил что-то нечленораздельное. Потом прокашлялся, мотнул головой и наконец, обратил свое внимание на Андрея. Лицо его немного просветлело. Он молча похлопал себя по карману, проверяя наличие содержимого. Скопом извлек все что там было: пачку сигарет, пластиковую зажигалка и горсть мелочи, часть которой, проворно ныряя сквозь пальцы, вывалилась на асфальт. Сего обстоятельства Валера будто и не заметил. Вытащил сигарету, подкурил и несколько раз сильно затянулся. Выпуская густой клубень дыма, протянул руку Андрею.

— Привет Андрюха, — поздоровался он.

— Здорово Валерон, — ответил Андрей. Он

вдруг понял что до остервенения хочется закурить. Да так, что и пару шагов к машине сделать тяжело. В «ниве» лежала недавно распечатанная пачка, но он по панибратски стрельнул у Валерки курева. Подкурил, затянулся, и почувствовал себя немного лучше. Валера спрятал свое имущество обратно в карман. Некоторое время они просто стояли молча и курили.

— Слышь Валерон, — начал первым Андрей, — ты как думаешь, чего вообще происходит? А?..

— Ты знаешь Андрюха, — Валеркин взгляд сделался мрачным, — думаю, это пахнет чем-то нехорошим...очень нехорошим. Сколько на свете живу, ни о чем таком даже не слышал никогда... мистика это какая-то.

Я же вчера с работы этой дорогой ехал! Домой ехал! Преспокойно себе добрался. Вчера. — Валера шумно сглотнул. — А теперь тут непонятно что... дорога пропала, деревья эти... за ночь выросли, что ли? Чертовщина какая-то. Андрюх, а может это там эти... мутации какие-то.

— Ага. Мутации, перетрубации. Хрень какая-то. Наверно завтра эти понаедут... пара... как их там...

— ... психологи.

— Ага. Тарелки будут инопланетянские искать. Радиацию замерять. В земле копать...

Шуму, наверное, много будет, я так думаю. Вообще... тут верно, только Господь Бог знает, что да как, да что к чему.

— Да уж, — согласился Валерка, — или вот этот знает... рогатый... — он поднес к макушке два пальца, растопыренные кверху буквой V.

— Ага, рогатый точно знает! А если и впрямь, вот эта муть... это проделки какого-то там... не знаю, дьявола, к примеру?.. А? Ведь логики я здесь не вижу... хоть убей.

Валера не ответил. Неопределенно повел плечами и сделался еще грустнее.

У Андрея тоже не было особого желания трепаться.

Они молчали, каждый думал о чем-то своем. Потом закурили еще по одной, опять из Валеркиной пачки. Валера вдруг встрепенулся, словно вспомнив о чем-то важном.

— А там, Андрюха, — произнес он почти шепотом, — там не лучше. — Он указал рукой на юг, в сторону, противоположную лесному массиву.

— В каком это смысле? — не понял Андрей.

— А в таком... смысле. Там тоже... нет дороги.

— Как это нет... и куда ж она делась-то?! — У Андрея на лбу снова выступила испарина.

— Дорога на южном выезде из поселка провалилась... ко всем чертям ушла под землю!

— Как это... провалилась?.. — Андрей по-прежнему ничего не понимал, и от этого ему лучше не становилось.

— Говорю же, — Валера ткнул пальцем себе под ноги, — вниз провалилась. Там наверно разлом земной коры случился... или как оно там называется. Не знаю. В общем, там тоже капец!

Валера разгорячено продолжал свой рассказ, а Андрей внимал его повествование с широко разинутым ртом.

— Короче, дырка в земле получилась такая, что и дна не видно, а внизу этой... пропасти, на глубине... белый туман клубится! Смотришь вправо — края этой ямы не видно, смотришь влево — то же самое. Я, Андрюха, как поближе подошел — коленки сразу ходуном, горло подперло так, что завтрак чуть из меня не выскочил. Так я сразу назад, жуть там такая, что о-го-го!.. — Выпученные глаза Валеры и дрожащие пальцы, как нельзя лучше, передавали его благоверный страх.

— Народу там уйма набежало, — продолжал он, — наверно половина населения! Гвалт поднялся страшный, все бегают, орут, матерятся! Вроде бы кто-то в эту яму упал, или машина свалилась, толком никто ничего не знает...

— А на другой стороне что? — перебил его Андрей.

Теперь Валера не понял вопроса.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну, ты сказал, что дырка эта, уходит вправо и влево очень далеко, это я понял, а если посмотреть прямо — вверх пролом, на ту сторону, там что-то видно? — Андрей повел рукой, как бы имитируя прыжок через преграду.

— А!.. прямо?! — Валера понимающе кивнул, — да, там что-то есть... Значит так, вот смотри, если смотреть прямо, то получается у нас так. Внизу, дырка эта, огромная, наверно метров триста, если не больше. Дальше, виден как бы ее противоположный берег. На том берегу, видно, что дорога уходит дальше на юг, как ей и положено, но видимость там плохая, то ли там туман такой же как и в яме. Не знаю, но мне показалось что асфальт там весь в трещинах, очень неровный, похож на вон тот, если поближе посмотреть, — Валера неуверенно ткнул пальцем в сторону «исчезнувшей дороги» скрывающейся в лесной чаще. — Возможно, Андрюх, я и ошибаюсь, говорю же, там почти ни черта толком не видно. Но ни людей, ни машин, на той стороне тоже небыло.

— Все понятно, — подытожил Андрей, — что ничего не понятно. Теперь хоть ясно, почему машин проезжих нет, откуда ж им тут взяться... Валера!

— А?

— Не знаю как тебе, а мне кажется, все мы

попали в вот такую-у-у-ую, большую-у-у-ую, прибольшую-у-у-ую задницу!

Андрей широко развел руки, демонстрируя воистину огромный объем той самой части тела, в которую, по его мнению, они все так дружно попали.

— О! — Валера картинно выпучил глаза, — прям как у Валентины! — он метнул взгляд в сторону поселка.

— Ага! — Андрей кивнул головой, сразу смекнув, о какой именно Валентине идет речь и они оба разразились сумасшедшим хохотом. Определенно, это был верный способ немного сгладить стресс. Настроение вроде как улучшилось, конечно, не до такой степени, чтобы прыгать от радости, но все же стало лучше.

— Слушай Валер, а ты чего вообще поперся на южный выезд, тебе на работу вроде ж не туда?

— Да я вчера изрядно помотался. Бензин почти на нуле был. Думаю, до города могу не дотянуть. Решил смотаться на заправку, ту, что поближе, ну и поехал... ну и не доехал... к заправке...

Кстати! Утром проснулся, выключателем клац — а света нет, потом конфорку на газовой плитке клац — и газа тоже нет! Так я всухомятку прямо из холодильника подзаправился, в машину прыг и попер. Такие вот пироги получаются!

— Ага, нехорошие пироги. Это ж выходит, что трубопроводу газовому тоже капут! Если там, как ты говоришь, эта дырка... разлом, то значь, трубу порвало!

— Да, Андрюх, это ты прав, — согласился Валера, — трубу точно порвало.

— А еще у нас... кстати говоря, связи нету, — Андрей похлопал себя по нагрудному карману. — Пропала она куда-то, и радио в машине вообще не ловит! Так что здравствуй каменный век!

— Ну, это ты загнул, какой там каменный век! Вот я сейчас тачку домой отгоню, в твою «ниву» прыгнем, да как попррем полями, через полчаса выедем к цивилизации. Как идея?

— Можно попробовать, — без особого энтузиазма согласился Андрей, — дорога там паршивая, но «нива» пройдет. — Внутренний голос ему подсказывал, что не все так просто, все очень даже непросто. Сейчас соваться в эти поля ему совсем не хотелось, если тут *такое* творится, кто его знает, что ожидает их там. От темных дум у него по спине побежал холодок.

— Андрюх... — Валерка будто прочел его мысль, — а может ну их в баню?.. Поездки эти. Поехали домой! А?..

Андрей, взглянул в глаза товарища многозначительно. Тот, в момент считал немой вопрос и сразу же выдал ответ:

— У меня дома, между прочим, записка есть, вот такая! — Перед носом Андрея возник кулак с торчащим кверху большим пальцем.

— «Серьезный аргумент», — мысленно согласился тот.

— Ну так поехали! Неладный день сегодня — можно и тяпнуть!.. Только одного не пойму, чего это кроме нас, здесь никого больше нет?.. Все возле разлома на той стороне трутся?.. что ли?

— Во-Во! Наверно, скоро и сюда сбегутся! Представляешь, какой дурдом начнется, когда вся братия сюда завалиться?! Мне чего-то не очень хочется при этом присутствовать, я и на той стороне насмотрелся...

— Возможно, Валер, ты и прав. Давай-ка по коням... Посидим, расслабимся...

— Слушай! Андрюх! А я ж совсем позабыл! Вот дурень я! Иди сюда скорей!

— Чего там?! — Андрей немного насторожился, но и заинтересовался.

— Сейчас-сейчас, — шептал Валера шаря по карманам, — подожди чуток.

Он напоминал Буратино, ищущего золотой ключик в одном из потайных кармашков. Наконец выудил свою NOKIA. Демонстративно поднял телефон над головой, при этом, чуть не зацепив Андрея за нос.

— Я же разлом тот сфотографировал! Сейчас

покажу! — Валерка щелкал кнопками телефона, выискивая нужное фото. Затем протянул телефон Андрею со словами, — вот, смотри!

Товарищ молча взял телефон и взглянул на дисплей.

В правой части экрана располагался столбик состоящий из мелких фото. Светло-голубым фоновым курсором выделялся самый нижний. Андрей нажал кнопку «открыть», картинка раскрылась во весь экран.

Но, всматриваясь в изображение, он в очередной раз сегодня почувствовал себя идиотом.

Андрей ожидал увидеть какую-то жуткую картинку; огромнейшую яму, но не это...

Сейчас, Валерка в его глазах выглядел так, будто того только что выпустили из психушки, да еще и усмирительную рубашку не сняли.

Андрей молча вернул телефон владельцу.

Валера ждал от Андрея бури эмоций, восхищенных возгласов, а тут тебе просто флегматичная мина.

— Чего?.. — Удивленно спросил он.

— Ничего. Сам глянь.

Валера взглянул на экран и обомлел. На фотоснимке красовалась самая обыкновенная, ни чем не примечательная дорога. Разлома там и в помине небыло. Даже трещин никаких. Ровенький асфальтный настил. Трасса была там, где ей и

положено быть и ни капельки не изменилась.

— Скажи Андрюха, — чуть не плакал Валера, — я похож на полоумного?.. Я по-твоему, идиот?!

— Может и не идиот, — ответил Андрей, усмехаясь, — но на полоумного чуток смахиваешь. Видон у тебя, больно уж замороченный.

— Но я же видел все! Все видел! Вот этими вот глазами! Понимаешь?! — Валера яростно вопил, при этом он чуть не выколол себе правый глаз, своим же указательным пальцем. — Там народу уйма бегало!!! Там все эту дырку видели! Все! Выходит, мы все шизонутые, что ль?!

— Да не ори ты. Верю я, что там разлом твой есть. Вот только фотоаппарат твой не поверил... кажется. Вот что, Валер, а ну-ка давай один эксперимент сделаем. Клацни-ка, вон ту «красоту». — Андрей указал в сторону исчезнувшей дороги.

Валера включил функцию фотокамеры, навел объектив на «лесные новообразования» и нажал кнопку «снять». Раздался звук «вжик».

Картинка зафиксировалась на дисплее. Но, через несколько секунд, к неопишуемому удивлению обоих, начала меняться.словно какой-то иллюзорный трюк, из фантастического фильма, «новообразования» сначала поблекли, постепенно теряя насыщенность цветовой гаммы, а

затем стали совсем прозрачными. С каждой секундой они просто таяли на глазах. Исчезали. Асфальтированная трасса же напротив; приобретала насыщенный цвет. Выравнивалась. Трансформировалась в нормальную автомобильную дорогу.

Чудесное перевоплощение длилось секунд десять, не больше. Потом картинка застыла. Дорожное полотно, каким оно была еще вчера, преспокойно убегало вглубь лесных дебрей.

Парочка ошарашено гладела то на фото в телефоне, то друг на друга, то на «новый лес» — который, в действительности никуда исчезать и не собирался.

— Чего ты говорил там у тебя в записке?.. —
Первым подал голос Андрей.

— Ноль семь коньячка и пивко есть.

— Мало. Заедем ко мне, я еще бутылочку возьму. Валера?

— А?

— Поехали отсюда к чертовой матери. На сегодня с чудесами у нас явный перебор. Пусть со всем этим кто-то другой разбирается...

Глава II

Первая ночь страха

Багряно-красный солнечный диск почти исчез из вида, опускаясь все ниже и ниже за горизонт. Лазурное небо блекло и серело, превращаясь в безразмерное сумеречное покрывало. В сгущающейся мгле зажигались далекие холодные огоньки. Летний зной временно унимал свой горячий нрав.

Сергей, облокотившись о подоконник, обозревал необычную панораму за окном. На душе у него было беспокойно.

— Да уж, — размышлял он, — как там в народе говорится: моя хата с краю, ничего не знаю. Вот и я, в своей крайней хате сижу, в окно гляжу, и ответа не нахожу.

Жилье, доставшееся Сергею Трофимову в наследство от тещи, замыкало шеренгу домовладений центральной улицы поселка. Окна с южной стороны выходили прямо на зеленые луга и центральную трасу, уходившую на юг.

День минувший перевернул все с ног на голову и понять, что же все-таки произошло, никак не представлялось возможным.

Картина за окном одновременно и впечатляла и пугала. исполинская дыра в земле зияла чернотой, словно раскрытая пасть огромного

чудовища. В душу, все глубже и глубже, вползло беспокойство. Неприятное ощущение незащищенности уже гнездилось и хозяйничало внутри. Чувство сродни эфемерным детским фантазиям. Воображаемый монстр затаился под кроватью, он терпеливо ждет своего часа, и в самый неожиданный момент, стоит лишь расслабиться...

Сергей улетел в далекое прошлое.

В том, ушедшем безвозвратно времени, всегда была мама. Она, каждый вечер читала ему на ночь сказку, а потом популярно объясняла, что взаправду никаких чудищ не бывает. Это все выдумки, плод человеческого воображения. Страшные же сказки, маленьким детям мамы рассказывают для того, чтоб маленькие мальчики и девочки вели себя хорошо — не ходили одни в лес, не играли возле дороги — где ездят машины, не бросались камнями в соседских кошек и собак, и не тянули в рот всякую гадость, которая на улице валяется. Иначе придет бабайка и заберет непослушных детей с собой и, там, далеко-далеко, в глухом лесу... в общем, лучше быть послушным. Дешевле обойдется.

Суть сего педагогического метода мама объяснила Сереже потом, когда он, немного подросший, и чуток подразобравшись в реалиях действительности, спросил ее, тоном, не терпящим возражений: Зачем это, скажите пожалуйста,

взрослые пугаю маленьких детей всякими там бабайками, которых, взаправду-то и нет?! Да и в помине никогда небыло!

Но тогда, когда он был еще совсем маленьким, после прослушивания очередной сказки на ночь, как только мама собиралась выключать свет, Сережа немедленно требовал произвести тщательный досмотр его комнаты на предмет наличия бабайки или какого другого чудища, подло спрятавшегося под кроватью либо в стенном шкафу. Мама ему улыбалась и, естественно, соглашаясь произвести эту процедуру. Они вместе заглядывали под кровать, открывали все створки шкафа, даже проверяли, нет ли кого за оконной занавеской. Тогда Сережа, полностью удовлетворенный результатом розыскных мероприятий в своей комнате, спокойно засыпал.

Сейчас все было по-другому. Маму он не видел уже лет пять. После смерти отца, она с головой ушла в «служение Богу». Сергею вспомнились ее слова, кои она методично старалась вдолбить в голову сыну. Ему, и двум меньшим братьям... «Согласно учению Иисуса Христа, члены Церкви должны быть святыми во всех мыслях, чувствах, словах и поступках. Входя в члены Церкви, человек должен быть раскаявшимся пред Богом и верующим в Господа Иисуса Христа, рожденный свыше от воды и Духа... Основа

служения Богу заключается в достижении...» Чего-то там... Дальше он не помнил. Да и эти слова вспоминал не часто. Так у нее и не вышло втемяшить ему мозг всю эту... науку. Мать уехала, забрав с собой меньших братьев. Он не захотел переезжать. Твердо решил остаться здесь. Никакие мамины уговоры его не переубедили и они уехали без него. А он, за все это время, ни разу и не пожалел, что остался. Теперь у него была собственная семья, собственный дом и работа — это главное.

Сергей, захлестнутый воспоминаниями, смотрел в окно отрешенным взглядом. Из омута грез его выдернули дерзко и бесцеремонно. Местом, чуть ниже поясницы, Сергей ощутил контакт с чем-то твердым. Чуть к потолку с перепугу не подпрыгнув, он резко развернулся. Позади стояла его пятилетняя дочка Лиза. Ребенок держал в руках пластмассовую куклу-пупсика. Сергей как-то непроизвольно потрогал то самое место контакта с этим самым пластмассовым инструментом. Дочкины пытливые синие глазенки удивленно уставились на папку. Она не понимала, почему это он, ее большой и храбрый папка, прыгает так, будто он никакой не папка, а соседский козлик.

— Малыш, — хрипло выдавил Сергей, приседая на корточки, — ты зачем так папку

пугаешь?.. Нельзя так. Нельзя к людям сзади молча подходить, когда они тебя не видят... и в спину куклой штрыкать... тоже не обязательно. Надо просто их позвать. Поняла?

— Поняла, — невозмутимо ответила Лиза. — Мама сказала... чтобы я тебе сказала... чтобы ты шел ку-у-ушать! — Немного поразмыслив, она добавила. — Еще мама сказал,... чтобы я тебе сказала... сказала, что... а я... забыла, что она сказала. — Передав свое неполное сообщение, Лиза развернулась и убежала обратно к маме, выяснять, что же она все-таки забыла передать. Мчась стрелой, и размахивая своей любимой куклой, Лиза звонко оглашала всему дому, как папкина попка сильно испугалась.

Сергей догадался о чем забыла сказать дочь. Он подошел к шкафу, открыл створки и, пошарив там немного, вытащил две толстые парафиновые свечи. Электричества нет, на улице неуклонно темнеет, а семейный ужин при свечах это очень даже ничего. Такое бывает не часто. Свечи на кухонном столе — безусловно, привнесут особые штрихи романтики и домашнего уюта в повседневную бытовую обыденность. По крайней мере, так ему казалось. Да и выбор средств освещения был не особенно велик — фонарик с подсевшими батарейками, и древняя керосиновая лампа, чадящая не слабее выхлопной трубы

грузовика.

Зайдя на кухню, он установил свечи на подсвечник и поставил его в центре стола.

— Ну вот, как-то так. — Сказал он, поджигая свечи.

— Так, мыть руки и всем за стол, — скомандовала жена. — Закончив с готовкой, она рассыпала по тарелкам дымящийся суп.

Лиза занималась активным поиском необходимой ей вещи, потроша один из ящиков стола с кухонной утварью. Переворотив все его содержимое, она все-таки нашла то, что искала. Ложку с «котом в сапогах». Столовый прибор мягко блеснул в тусклом свете свечей. Приплюснутый кончик ручки, украшала гравюра в образе деловитого кота в неизменных сапогах и огромной шляпе.

Личико ребенка озарила довольная улыбка. Найденную с таким трудом *свою вещь*, Лиза демонстративно положила на стол перед собой, показывая сим готовность приступить к трапезе.

Ирина привела в порядок содержимое ящика, пострадавшего от урагана по имени Лиза. Вычитывать девочку за устроенный бедлам ей сейчас не хотелось. Наверное, в другой вечерок, за эдакую «помощь», Лизе влетело бы по первое число. Но день минувший, внес свои коррективы...

Днем Ира предложила Сергею провести вечер

с ее родителями и, возможно, у них заночевать. Ей было страшно от всех этих непонятностей, случившихся сегодня. Ночевать в доме без света, рядом с этой страшной ямой, ей не хотелось. Но Сергей на такое предложение отреагировал категорическим отказом, мол, что мы, дети малые, чуть что к мамке бегать. Тогда Ира поинтересовалась у мужа; а как же ей тогда готовить еду? Нет ведь ни газа, ни электричества. Вот вместе с мамой, они наверняка что-нибудь придумают. В ответ на этот аргумент, Сергей притащил из сарая старый, но почти полностью заправленный газовый баллон. Вполне удачно подсоединил его к газовой плитке и проблема с готовкой пищи полностью разрешилась. Других стоящих доводов у Ирины не нашлось. Мужики ведь такие ушлые бывают... что угодно придумают, лишь бы подальше от тещи.

Взаимоотношения между Сергеем и «мамой» — Тamarой Васильевной, действительно сложились не самые теплые. «Мама» просто хотела зятя чуток поприличнее. Ну, чтоб и дом свой был, и машина чтоб своя была, и чтоб все как у людей, а этот... Но получилось так, как получилось.

Семья, рассевшись по своим местам, молча приступила к употреблению пищи. Средневековая обстановка действовала угнетающе и совсем не романтично. Свечи, беспокойно мерцающая,

отбрасывали причудливые тени по сторонам. Нормально освещался только стол в центре комнаты. Зловещий полумрак заволакивал все углы и закутки кухни.

Ужин прошел в полной тиши, никто не проронил ни слова. Даже Лиза, всегда активная непоседа, вяло ковырялась в своей тарелке и уже начинала клевать носом.

— Сереж, — тихо спросила Ира, — соберешь тарелки?.. А я пока ее в постель уложу.

Сергей утвердительно кивнул головой. — Если Ирка начала говорить, — подумал он, — значь, туча скоро рассеется.

Ирина взяла Лизу на руки. Та, свершено не сопротивляясь, прижалась к маме и обняла ее за шею. Еще вчера таких телячьих нежностей просто не могло быть. Если Лизу по каким-то причинам пытались уложить спать пораньше, то ее яростные протесты иной раз могли услышать даже соседи. Но сегодня она была сонной и вялой.

Ирина забрала с собой одну свечу, и унося сонную дочку из комнаты, добавила:

— Сереж, я побуду с ней, пока не уснет. У нас еще свечки есть, не знаешь?

— Должны быть, сейчас посмотрю, — ответил Сергей, поднимаясь из-за стола.

— Если найдешь, зажги побольше, а то в доме, как в скепе.

Ирина удалилась, оставив Сергея наедине с мрачной кухней и с самим собой.

Ему понравилось предложение жены. Он подхватил вторую свечу и направился в гостинную, где в стенном шкафу хранились залежи разной дребедени. Вороша содержимое ящичков, он думал, *что не помешало бы половину этого барахла выбросить на помойку!!!* В дебрях очень необходимой и не слишком-то нужной домашней всячины, парафиновых свечек так и не нашлось.

Зато нашлась связка тоненьких церковных свечек. находка что надо. В пучке их было штук пятнадцать. Возвращаясь на кухню, он обдумывал, как бы получше их приспособить. Снова вспомнилось детство, свет тогда выключали часто. Он тут же смекнул, как с этим делом справиться.

Сергей вышел на улицу и горящая свеча моментально погасла на ветру. Стемнело уже почти полностью. Взглянул на разлом — ничего невидно, темнота. По спине пробежали мурашки, внутри что-то сжалось. Не нравилось ему это место, оно пугало своей таинственностью и необъяснимостью. Будто завораживало. Приложив некоторые волевые усилия, Сергей постарался выбросить из головы все глупости. Быстренько засеменял к пристройке возле дома. Открыл дверь. Пошарил на ощупь. Нащупал мешок, может, с пшеницей, а возможно и с ячменем. В темноте-то ни черта не видно. Но

разницы особой то и нет, любые семена подойдут. Куль оказался развязанным. Сергей наспех зачерпнул пару пригоршней зерна и распахал по карманам. Возвращался в дом тоже быстро, почти бегом. Чувство страха никуда не ушло, а даже усилилось. Ощущение такое, будто сзади тысяча чертей гонятся. Он по-быстрому заскочил в дом и захлопнул за собой дверь. перевел дух и заперся на внутренний замок. Ощущение «загнанного зверя» вроде отступило, но не совсем. Понимание того, что он, взрослый человек, как десятилетний мальчишка, мчался по двору и чуть не обмочил штаны со страху, его разозлило. Зол он был сам на себя — так как позволил маленькому мальчику, сидящему где-то глубоко внутри, взять верх над мужчиной, давно позабывшим свои детские страхи. Но с другой стороны, сегодняшней день, мягко говоря, нестандартный — вполне оправдывал пробежку от сарая к дому.

Отгоняя роящиеся в голове тучные мысли, Сергей воротился на кухню. снова поджег парафиновую свечу, о которой напрочь забыл, после выхода на улицу. Войдя в комнату, он уже немного успокоился. Подошел к кухонной стенке, открыл дверцу одного из отделений и достал десять рюмок. Из кармана извлек пригоршню семян; как оказалось, это все-таки была пшеница. Наполнил семенами выстроенные в рядок емкости.

Получились эдакие вот импровизированные подсвечники. Каждая рюмашка получила по одной свечке. Горящей парафиновой он поджог всю десятиштучную шеренгу.

Помещение озарил довольно яркий свет, а стол начал смахивать на церковный алтарь. Десять огоньков, совместными усилиями разогнали сумрак. Прихватив одну свечу Сергей вышел в коридор. Помещение тут же просветлело. Церковной свечки вполне хватало для маленького коридорчика.

Вернувшись к «алтарю», он взял еще парочку. Толкнув коленом дверь, вышел в освещаемый коридор и направился в гостинную.

Для большой комнаты двух штук было маловато. Принес еще две. Немного поразмыслил добавил еще парочку. Вся эта свече-зажигательная мистерия, напомнила Сергею кадры фильма «Вий». Тот самый момент, когда Хома Брут, запертый ночью в церкви, освещал множеством свечей все темные закутки.

Сейчас шесть мерцающий огоньков довольно неплохо озаряли комнату. Три штуки, оставшиеся в кухне, он потушил и оставил про запас.

Дверь в комнату Лизы была прикрыта неплотно. Оттуда доносился мягкий говор Иры, вещающий девочке какую-то историю о маленькой принцессе. Сергей не стал их тревожить; устроился

на диване, ожидая пока жена убаюкает дочку.

А за окном клубился мрак. Сергею показалось, что он есть и внутри дома. Вроде и свечи горели ровно, и света не уменьшилось, а все равно, присутствовало ощущение какого-то затемнения... или затмения. Что-то было не так. В голове снова зашевелились нехорошие мысли о разломе...

Вдруг свечи погасли. В один миг. Все. Будто от сильного дуновения ветра. Тьма в секунду заглотнула окружающее пространство. Сердце Сергея екнуло, он сощурился, вглядываясь в темень, но не смог рассмотреть даже контура окна. Тьма была крошечной, и слишком уж насыщенной. Ведь даже самой глухой ночью, в комнате, где есть окна, можно увидеть хоть что-то. Клаустрофобией он никогда не страдал, но сейчас ему просто не хватало воздуха. Он вдыхал его отрывисто, и выдыхал натужно. Учащенные удары сердца гулко барабанили в висках. Сообразил. Судорожно нащупал в кармане спичечный коробок, быстренько вытащил его и попробовал зажечь спичку. Сразу не получилось. Не загорается, хоть убей. Бросил ее на пол, вытянул еще одну, попробовал, результат тот же. Тихо выругался. Стараясь не поддаваться панике, предпринял третью попытку. Удалось. Вспыхнувший огонек осветил совсем маленькое пространство. Прикрывая спасительный свет

ладонями, Сергей осторожно поджег огарок свечи. Руки ходили ходуном. Догорающая спичка больно обожгла пальцы, выводя его из оцепенения. Издав шипящий звук, он уронил ее на ковер.

Внезапно его бросило в холодный пот. В комнате Лизы полная тишина и темно. В щелочке дверного проема ни зги.

— Ир?.. — тихо позвал он. — Вы там как?..

Ответом ему была тишина.

Ледяная волна захлестнула его с головой. Осознание того, что с женой и дочкой что-то могло случиться, ввергло его в ужас. Метнувшись к Лизиной спальне, он в два шага оказался возле двери.

Рванул ее на себя и вошел. Свечка в руках ходила ходуном.

Лиза лежала в своей кроватке, откинув голову на подушку. Глаза закрыты. Сергей надеялся, что она спит... Ирина сидела на полу, поджав под себя ноги. Руки и голова покоились на постели дочери. Положение тела жены Сергею совсем не понравилось. Сон застиг ее как-то уж слишком неожиданно... и был ли это просто сон?..

Погасшая свеча лежала на тумбочке возле кровати.

— Ир?.. — робко позвал он.

Ответа не последовало. — Что-то тут не так... — подумал он.

Приблизившись, Сергей присел и легонько прикоснулся к ее плечу. Она отреагировала тихим стоном. Поставил свечу на тумбочку и развернул Иру лицом к себе. Голова ее была опущена в низ, глаза закрыты. Она прибывала в каком-то полубессознательном состоянии, похожем на очень сильную степень алкогольного опьянения. Сергей сообразил, что надо бы поскорее вынести ее из комнаты, и желательно не разбудить при этом ребенка. Он попробовал ее приподнять. Поставить на ноги. Не получилось. Стоять она не могла. Ноги ее просто не держали. Подхватив жену на руки, он вынес ее в гостинную и положил на диван. Быстро вернулся в комнату к Лизе и забрал свечку. Еще раз взглянул на ребенка, вроде все нормально — просто спит. Вернувшись в гостиную, Сергей первым делом зажег остальные свечи. В комнате снова просветлело. Взглянул на Иру, неподвижно лежащую на диване. Сообразил, что надо бы принести воды. Сбегал на кухню. Набрал полный стакан и вернулся обратно. К дивану он пододвинул журнальный столик и поставил на него все три свечи. Плеснул себе в ладонь немного воды и брызнул жене в лицо. Она чуть-чуть шевельнулась и приоткрыла глаза.

Сергей отшатнулся и чуть не упал на пол от страха. В одну секунду он превратился в того маленького мальчика, искренне верившего в

существование чудищ, живших под его кроватью. Он и до сего момента понимал, что с Ирккой что-то не так. Еще в спальне Лизы уловил какую-то незримую перемену в ее обличии. А сейчас, при лучшем освещении, он увидел и обомлел. Руки и лицо Иры изменили цвет. Они стали пепельно-серыми. А глаза... когда она их открыла, зияли чернотой. Роговица и белки глазных яблок, приобрели насыщенный черный цвет. В нечеловеческих бездонных блюдцах отплясывало отражение огоньков свечи.

Сергей еле подавил внезапное желание бросить все и сейчас же убежать отсюда, куда глаза глядят. Он понимал, жена сейчас отчаянно нуждается в его помощи. Только не имел ни малейшего представления, чем ей можно помочь, и что вообще произошло. Он взял ее похолодевшую руку, робко заглянул в черную пропасть, ввергающую его в ледяной ужас, и спросил — Ир... ты чего?..

— Оно было... позади... — чуть приподняв голову, прошептала она чуть слышно, — я его... по... — на полуслове глаза закрылись, голова откинулась назад.

Сергей понял — глаза его жены больше не откроются никогда.

Ужас сковал его стальной хваткой. Ему хотелось плакать. Страх, смятение, непонимание...

все смешалось в жуткий эмоциональный вихрь безысходности. Все установленные жизненные стереотипы поведения просто улетучились. Сергей не знал что делать. Он снова оказался в комнате с монстрами. Он понимал, *сейчас они настоящие* .

Тут в его мозг будто раскаленную иглу вонзили. — Лиза — она там одна в комнате, ей грозит опасность, надо... — мысль оборвалась... Все свечи погасли в одно мгновение, и дом снова поглотил мрак. В полной темноте Сергей оцепенел. В сознании вспыхнули последние слова жены — «Оно было позади... я его... по...». — **Почувствовала.** — Сказал он, в кромешной тьме. — Сейчас он тоже четко чувствовал присутствие *чего-то* за своей спиной. Оно положило ледяные руки ему на плечи. Сергей хотел сказать «Не надо», но слова застыли у него в горле...

Глава III

Второй день

Утро второго дня ничем особо не отличалось от предыдущих.

Поселок, как обычно, просыпался вместе с восходом солнца. В большинстве своем население занималась фермерством и домашним хозяйством. Поэтому заботы-хлопоты не терпели отлагательств.

Только вот сегодня все было немного не так, как обычно. Почти все жители поселка проснулись утром с «тяжелой головой». Привычный жизненный уклад сильно пошатнулся. Он сменился тягостной неопределенностью. Желание немедленно разобраться во всех непонятках, отодвинуло на второй план все остальные дела и проблемы.

Внезапная утеря привычных благ цивилизации давила на мозги тяжким грузом. Нет газа, нет света — это случалось и раньше, и довольно часто. Но есть же, в конце концов, специальные службы, в обязанности которых входит решение этих житейских проблем. Только вот уведомить эти самые службы о случившейся беде, не было никакой возможности.

По-быстрому справившись с хозяйственными делами, люди выходили на улицу в надежде, что все уже разрешилось само собой. Сейчас, всем объявят о каком-то сумасшедшем розыгрыше, на манер реалити-шоу, устроенного каким-то не менее сумасшедшим телеканалом. Мало ли чего могло случиться в этом безумном мире. В общем, различные предположения у людей возникали.

Спустя пару часов после рассвета, движение на улице организовалось весьма оживленное. Выползая из своих дворов, народ собирался в небольшие компании и рьяно обсуждал события вчерашнего дня. Обычно тихий и сонный поселок,

сейчас напоминал переполошенный муравейник. Одновременно столько людей на улице возможно увидеть лишь на пасху, майские, да новогодние праздники. В общем, разговоров и выдвинутых гипотез было множество. Кто-то, уличал в происках нечистого, упоминались и пресловутые спецслужбы, и глобальные экологические катастрофы, и конец света, и даже козни нынешних властей.

Постепенно, мелкие группки стекались в более многочисленные соединения, а те, в свою очередь, слились в одну большую толпу.

Кто-то, из особо сообразительных, предложил устроить общий сбор в центре поселка и там уж всем миром решать, что дальше делать. Толпа одобрительным гулом поддержала это предложение и все дружно двинулись в центр.

Вся инфраструктура поселка, не считая трех маленьких магазинчиков, разместилась в одном единственном административном здании. Там обосновались: поселковый совет, небольшой медпункт и почтовое отделение.

Продвигаясь все ближе к центру, «южане», так условно назывались жители южной части центральной улицы, соответственно жители северной части назывались «северяне», наводняли свои ряды все новыми членами из числа людей присоединившихся по ходу движения.

Подобравшись к самому центру, «южанам» стало ясно, что «северяне» пришли к такому же выводу. Их огромное сборище уже собралась перед административным зданием. Постепенно, две большие группы слились в один большущий балаган.

Публика собралась весьма разношерстная — от сварливых домохозяек и пенсионеров, до местной интеллигенции в лице дачников, обменявших свои квартиры в каменных джунглях на уютные коттеджи в тихом живописном местечке.

Гул на улице стоял, как в пчелином рою. Такого многочисленного собрания поселок, наверное, не знал за всю свою историю. Естественно, никакого регламента работы собрания небыло, и о каком-то определенном порядке деятельности сборища речь не шла. Все происходило само собой — спонтанно. Но все, конечно, ждали просто по привычке, что сейчас кто-то должен исполнить роль «авторитетного вожака», и как обычно водится — толкнуть речь.

Роль этого самого авторитетного вожака сейчас возложила на свои хрупкие плечи глава местного поселкового совета — Светлана Владимировна Онищенко. Она, статная женщина бальзаковского возраста, имела многолетний опыт работы на этой должности и, как сама думала, довольно неплохо с ней справлялась.

Выступать перед публикой ей было не впервой. Хорошо поставленный голос и великолепная дикция, выработанная за годы работы, качественно отличали ее от остального контингента. Лучшего кандидата на эту роль было не сыскать. К тому же, Светлана Онищенко — представитель власти. Поэтому она считает себя просто обязанной действовать первым номером. Вот только что говорить, Светлана Владимировна толком не представляла, и поэтому очень сильно волновалась.

Наконец, собравшись с духом она вышла на порог. Гул толпы немного приутих. Сглотнув ком в горле, местная начальница заговорила:

— Уважаемые жители! — начала она. — Я прошу минуточку внимания! Как вы все наверно знаете, у нас в поселке случилась чрезвычайная ситуация... Насколько я знаю... вчера никто из вас не смог выбраться на работу, центральная траса на обеих выездах из Александрии... — глава поссовета замялась, силясь подобрать правильные слова, — центральная трасса пришла в негодность, в следствия... воздействия каких-то неизвестных нам факторов.

Гул муравейника усилился.

Я считаю, — продолжила она, — что в данной ситуации ничего страшного не произошло, сложившаяся проблема... она наверняка временная,

и никакого повода для паники нет. Как глава поселкового совета и представитель власти, я приношу свои извинения за временные неудобства... связанные с отсутствием электроэнергии и газа. Призываю всех к спокойствию, взаимопониманию... и взаимному уважению.

Она перевела дух, и в принципе осталась довольна своей речью. Хотя сама-то и понимала, что ничего толкового не сказала.

Толпа недовольно зарокотала. Некоторые субъекты, выражали свое недовольство весьма крепким словом. Мол, собрались тут только болтать попусту — давай уж ближе к делу. Чего делать будем?..

— Ввиду того, что ситуация сложилась, — продолжила она, — мягко говоря нестандартная... какого-то плана дальнейших действий у меня лично нет. Сейчас я предлагаю всем желающим высказать свои мнения и соображения по поводу случившегося.

Может быть, кто-то знает что-то, что не известно всем остальным. Я прошу Вас, кому есть что сказать, не стесняйтесь — выходите сюда ко мне, чтобы всем было слышно. Еще раз призываю всех к тишине и спокойствию. В общем, давайте все цивилизовано обсудим и решим, что делать дальше...

Голос Светланы Владимировны уже подсел. Говорить без микрофона было тяжеловато. Она сделала паузу, высматривая потенциальных желающих что-то сказать. Но толпа не спешила посылать своих представителей на импровизированную трибуну. Народ просто перешептывался между собой. Никто не хотел выделяться и выходить на всеобщее обозрение.

Раз уж желающих выйти на подиум не оказалось, Светлана Онищенко решила высказать первой свое предложение:

— Ну что ж, — начала она, — если пока никто не хочет говорить, я предлагаю поступить следующим образом. Поскольку южный выезд преграждает этот... разлом в земле, а северный... зарос деревьями... — Онищенко кашлянула в кулак, как бы подчеркивая весьма условное определение состояния северного выезда. «Зарос деревьями» никак не тянуло на исчерпывающее описание истинного состояния дел на северном выезде. Она сама недоумевала, какую же ахиною сейчас несет. Но народ прекрасно сообразил, о чем речь, и Светлана Владимировна продолжила.

— Я думаю имеет смысл сегодня же, снарядить небольшую экспедицию из нескольких автомобилей и попробовать... проехаться в восточном направлении. До ближайшего населенного пункта можно добраться за каких-то

сорок минут, пусть даже и по плохим дорогам, а там уж и до города рукой подать.

Собравшиеся люди отозвалась одобрительными возгласами. Основной массе идея пришлась по душе. Но как оказалось — не всем.

— Светлана, — прозвучало обращение из столпотворения, — эт... ты не то говоришь... На восток нельзя. Там машины не пройдут.

Обладатель голоса, расталкивая окружение, выбрался на всеобщее обозрение. Подойдя к порогу здания, он остановился. Мужчина сморщил физиономию и почесал макушку, будто вспоминая, зачем он вообще сюда вышел. Затем, поднявшись к главе поссовета, он кивнул ей головой, развернулся лицом к аудитории и начинал свой рассказ.

— В общем, дело было так... — голос Кочетова звучал нервозно, — короче, вчера, «нива» моя булькнула в трясину какую-то. С концами булькнула... и я чуть за ней не ушел...

— В какую еще трясину? — удивилась Онищенко — Андрей Петрович?.. Чего вы такое говорите?

— Да пес его знает, в какую трясину?! Мож, то и не трясина вовсе была!.. Но трясина то, иль не трясина... а машину она мою съела!.. и не подавилась, сволочь такая...

Андрей Петрович Кочетов был уважаемым человеком в местной общине, и вдобавок самым

зажиточным фермером в поселке. Он иногда, конечно, мог спьяну чего-то сморозить, но вообще, все его считали умным и рассудительным человеком.

Какое отношение ко всему происходящему имеет его машина, утонувшая загадочным образом в какой-то там трясине, никто конечно не понял. Вся аудитория, молча хлопала глазами, ожидая более подробных объяснений.

Андрей Петрович перевел дух и продолжил свой рассказ.

— В общем так: вчера я поехал на поля свои поглядеть. — Кочетов махнул рукой на восток, как бы уточняя место расположения своих владений.

За чертой населенного пункта восточный контур зеленел изумрудным бугристым полотном. Яры и балки густо поросли деревьями, кустарниками и разнотравьем. За ними, желто-зеленой горизонтальной полоской, просматривались фермерские угодья.

— Проехал я, значит, через перелесок, — продолжал Кочетов, — и сразу перед своим первым полем пришлось мне остановиться. Гляжу, значит, впереди чего-то непонятное... вроде марева вижу. Похоже на обманку — ну... когда на асфальте, в жару, будто лужи воды видны. А их-то там, на самом деле и нет.

Так вот, только там я не воду видел, а что-то

такое, вроде больших таких черных пятен — на грязь похожих. Пятна эти, значит, и на полях они есть, и на дороге есть. Короче, везде есть, куда не глянь. Думаю — что за чертовщина такая, может мерещится?.. Так вроде ж пока голова соображает, как положено. Кретинизмом не страдаю. — Он постучал себе по голове, подтверждая сим действием свою адекватность, затем продолжил. — Протер я, значь, глаза, да и поехал вперед. Думаю, посмотрю хоть поближе, что там за непонятка такая... Прямо впереди меня, значит, посреди грунтовки, как раз это пятно было, здоровенное такое! Метров шесть в диаметре... примерно. Я значь в него сходу и заскочил... машиной. Только я в него въехал, так машина сразу и заглохла. Я пару раз ключ зажигания повернул, а стартер даже не отзывается! Сдох и все! А я тут себе чую, машину потихоньку это... вроде засасывает! Думаю, вот так дела! Под землю «ниву» тянет, будто я в болото или в пески эти... зыбучие заехал!

Страшно мне стало так, что штаны за малым не подпортил! Я дверцу открыл, вниз смотрю, а там эта гадость черная. Думаю э не! Мокать в нее ноги не стоит, если жизнь дорога. Тогда я быстренько залез на крышу, а оттуда спрыгнул на землю, подальше от пятна.

Лоб Кочетова покрылся испариной от переживания.

Стерев капельки с лица, он закончил уже более спокойно:

— Всосало, значь, оно мою ласточку всего за пару минут, и не поперхнулось... сволочь такая. Так что, Светлана Владимировна, я вам поведал, а там уж решайте сами.

Кочетов умолк.

Онищенко тоже молчала. Ей было о чем подумать.

Рассказ Андрея Петровича произвел на слушателей серьезный эффект. Все живо загудели, обсуждая чудо-новость. Во всеобщее, не слишком радужное настроение, добавлялось все больше тревожных ноток. В толпе начинали закипать нешуточные страсти.

Кто-то, горланя во все горло, активно пропагандировал версию о неминуемом конце света.

Кто-то грозился сейчас же набить этому пропагандисту морду, если тот не заткнется. Цивилизованное собрание закончилось и теперь грозило перерасти в цирковой балаган с обязательным мордобоем.

Светлана Владимировна поняла что упустила хрупкие бразды правления своей общиной. Сейчас уже не имеет смысла успокаивать разбушевавшихся активистов — все равно не поможет, а то и хуже будет.

Однако ситуация разрядилась почти сама собой. Все внимание пропагандистов апокалипсиса, их оппонентов и всех остальных участников собрания привлек черный джип «лексус», только что подкативший к точке сбора с северной стороны поселка.

Машина остановилась, из нее вылез худощавый мужчина невысокого роста. Его коротко стриженные светлые волосы торчали смешным ежиком. Уверенной походкой он прошел мимо приутихшей оравы, ни на кого не обращая внимания. Прямоком направился на порог к растерянной Светлане Владимировне. Подойдя к ней вплотную, он склонился и прошептал на ухо несколько слов...

Онищенко чуточку успокоилась, сообразив, что у нее скоро появится возможность передать бразды правления в мужские руки. Ну, если не передать, то хоть бы разделить. Владельцем дорогого внедорожника был один из городских дачников, переехавший сюда на постоянное место жительства. Кроме того Александр Николаевич Коржаков, был прокурором в отставке. Поэтому местная публика его побаивалась. Онищенко подумала, что ему наверняка по силам успокоить разбушевавшихся.

Фраза Коржакова — «Надо сейчас же разогнать толпу, в поселке есть трупы. Скажите,

пусть расходятся», — ее порядочно ошарашила.

Трупы???

Она захлопала глазами, но в лице не изменилась. Поразмыслив несколько секунд, глава поссовета выдала короткий монолог, громко чеканя слова.

— Товарищи! Минутку внимания! Александр Николаевич хочет сделать объявление!

У Александра Николаевича в это время глаза заметно увеличились в размерах.

Он вопросительно взглянул с неммым вопросом «Разве мы так договаривались?»

Светлана Владимировна ему мило улыбнулась, включая все свое женское обаяние, и пожала плечами. Мол «Все. Стрелки переведены. Ваша очередь — сер».

Коржаков, смирившись с женским коварством, взял инициативу в свои руки. Притихшая толпень вся во внимании ожидала объявления. Публика вела себя тихо и смирно, как и подобает перед прокурором; хоть и бывшим.

— Сейчас я прошу всех вас, — начал он, — внимательно меня послушать и последовать моему совету, во благо для всех нас... Возражения будут?..

Возражений не нашлось.

— Я прошу сейчас всех Вас, расходитесь по домам.

Сегодняшнее собрание — закончено. Я понимаю, что у Вас накопилось много вопросов — но сейчас объективных ответов у нас просто нет. Даст Бог — до завтра, что-нибудь да прояснится. Стоять тут сейчас нет никакого смысла. Я вас прошу: расходитесь по домам и занимайтесь своими делами.

Выдержав небольшую паузу, он добавил.

— Еще одно. Я прошу всех соблюдать некоторые меры предосторожности и безопасности.

Во-первых — не надо ночью выходить на улицу, это может быть небезопасно.

Во-вторых — если есть возможность, старайтесь ночевать группами, а не по одиночке... я думаю, это тоже будет не лишним.

Это все — пожалуйста, расходитесь.

Последнее... людей имеющих огнестрельное оружие я прошу остаться сейчас здесь. Это же касается и медиков... или хотя бы ветеринаров — если такие присутствуют.

...Многие подумали, что он знает значительно больше, чем говорит...

Народ недовольно загудел, но возражать никто особо не стал. Потихоньку толпа рассосалась. Люди отправились восвояси. Вскоре, перед порогом поссовета осталось человек десять. В основном местные охотники и один ветеринар. Коржаков удовлетворенно кивнув головой,

довольный результатом отбора.

— Светлана Владимировна, — обратился он к Онищенко, — нужно помещение для нового совещания. — Потом добавил на выдохе. — Думаю, оно будет долгим.

Он взглянул на нее как-то уж слишком пристально. Даже сверляще.

Ей этот взгляд совсем не понравился и она быстренько ретировалась отпирать дверь в помещение. Александр Николаевич осмотрел собравшуюся компанию. Почти все люди были ему знакомы. Они казались вполне нормальными, не склонными к психозу и истерии, а это сейчас как раз важно. Тем к кому Иисус вчера во сне приходил — здесь не место.

— Прошу всех в актовый зал. — Позвала Онищенко, отворив входную дверь в помещение.

— Какая повестка дня? — То ли шутя, то ли серьезно спросил молодой парень Андрей, работник регионального отдела лесного хозяйства. Тот самый Андрей, одним из первых обнаруживший аномальную дорогу.

— Да какая уж там повестка, — вяло молвил Коржаков, — Давайте. Входите в помещение. Сейчас просто поговорим обо всем, что случилось за последние сутки. Новостей накопилось порядочно, надо решить как действовать дальше, а это лучше делать при закрытых дверях, и не очень

большой компанией.

— А люди с оружием зачем? — снова спросил Андрей. Коржаков вопрос проигнорировал.

— Заходите, — снова позвала Светлана Владимировна, — рассаживайтесь. Места всем хватит.

Группа разместилась в актовом зале. Он представлял собой помещение среднего размера со всеми необходимыми реквизитами. Большую часть комнаты занимали плотные ряды простеньких кресел, с коричневой обивкой из кожзаменителя. Два больших окна занавешивали зеленые шторы. Комната напоминала мини кинотеатр. Только на месте сцены, было маленькое возвышение, на котором стоял длинный стол, окруженный со всех сторон стульями. В целом — типичный зал заседаний, характерный для мелких населенных пунктов.

Глава поссовета Онищенко Светлана Владимировна, как единоличная хозяйка, заняла центральное место во главе стола. Она учтиво предложила стоящий рядом стул Коржакову. Тот, молча уселся рядом. Остальные расселись где кому захотелось. Вся компания состояла из десяти человек: глава поселкового совета — Онищенко, бывший прокурор — Коржаков, один ветеринар и семь охотников.

Экс-прокурор, как и положено начальству,

хоть и бывшему, отвел себе роль, координирующую и направляющую.

— Так, пожалуй, начнем, — было его первой фразой открывшей заседание. Он нервно теребил пальцами по столу. Безымянный на его правой руке был забинтован.

Светлана Владимировна, заметив это, спросила. — Что? поранились?

— Да так... молотком вчера ударил, — с каким-то стеснением ответил Александр Николаевич, и сразу же спрятал руку под стол подальше от всеобщего обозрения.

Онищенко про себя подумала — «Да уж, недотепы эти городские, руки у вас не с того места растут, только и умеете там бумажки ворошить. Молотком он, видите ли, пальчик пришиб — белоручка. Интересно, какого это он лешего вообще из города в нашу глушь перебрался... тишины и спокойствия, небось, захотелось?..

Она с ужасом поняла, что последняя мысль, сейчас вывалится у нее изо рта. Однако успела вовремя обуздать свой язык, все же не проронив ни слова.

Все-таки, местный народ приезжих здесь недолго любил.

— В общем так, — продолжил Коржаков, — сразу скажу, что я, как и все вы, не имею ни малейшего представления о причинах

возникновения всех этих, ненормальных, или скорее, паранормальных изменений окружающей среды.

Мы все понимаем, с логической точки зрения — всего этого не может быть в действительности. Но все «это» теперь есть — так что логику давайте пока отбросим в сторону и посмотрим в глаза «теперешней» действительности.

— Во заливаает! — подумал Андрей. — Что ж ты дядька-прокурор дальше запоешь?.. Умник...

— Поэтому, ребята, — продолжал Коржаков, — держите крепче свои крыши, чтобы их не сорвало. Кстати, люди, имеющие разрешение на ношение и хранение оружия должны обладать устойчивой психикой, не правда ли? Если, конечно, разрешение не за сало куплено... Еще, я думаю, медики и ветеринары по роду своей деятельности, тоже должны иметь крепкие нервы. — Александр Николаевич обвел пристальным взглядом всех присутствующих, те согласно закивали головами. Действительно, собравшийся здесь контингент можно было назвать вполне адекватными и уравновешенными людьми. Никто из присутствующих не стал бы орать о грядущем конце света или скором приходе антихриста. По крайней мере, не прямо сейчас.

— Медиков сейчас тут нет, — сказала Онищенко. — Все работники медпункта —

приезжие. Они тут только три дня в неделю бывают... что поделаешь, бюджет не резиновый. А вот ветеринар у нас свой, хороший. Хоть и молодой, но опытный, и с нервами у него все в порядке... правда Славик?

— Ага, с нервами у меня пока все нормально. — Ответил темноволосый молодой человек по имени Славик. — Только вот не пойму — какое отношение ко всему этому э... мероприятию имею я? Мое дело животных лечить, а не фантастические загадки природы разгадывать. Чем я могу помочь? — разведя руки в стороны, он вопросительно посмотрел на Александра Николаевича, потом Светлану Владимировну.

— Ну, ты же можешь определить причину смерти животного? — Ответил вопросом на вопрос Коржаков.

— Ну... могу, не всегда конечно, но если есть известные мне признаки болезни, то причину смерти определить почти всегда получается... А у вас что, коровка прихворала?! — Спросил он, зная ответ.

Все, конечно, понимали — никакой коровы у бывшего прокурора нет и отродясь не было. Шутка явно удалась, так как большинство присутствующих уже давились собственным смехом.

— Да нет, дружок, коровкой я пока как-то не

обзавелся. — Коржаков натянуто улыбнулся. — Но вот два трупа, у нас имеются... и вид у них, скажу я вам такой, что я за всю свою карьеру ничего подобного видеть мне не приходилось.

Улыбки в момент улетучились.

— Тут, по хорошему делу бы, криминалиста-патологоанатома опытного надо, — продолжал экс-прокурор, — да и то я не уверен, был бы ли от него прок. Но поскольку криминалистов, и даже медиков у нас нет, то придется тебе... Вячеслав, хоть взглянуть, может, чего-то там и сообразишь.

— А кто умер?! Чего же вы сразу не сказали?! — воскликнула Онищенко.

Сейчас фраза — *...Надо сейчас же разогнать толпу, в поселке есть трупы. Скажите, пусть расходятся...* вспыхнула в ее сознании красной лампочкой. Она смекнула, Коржаков не хотел это оглашать привселюдно, дабы не подливать масла в огонь и так серьезно раскураженной толпы.

Охотники зашевелились, новость о трупах привела их в возбужденное состояние.

— Александр Николаевич, какие трупы? — Спросил Андрей. — Может подробнее расскажите?

— Сегодня, рано утром, ко мне домой прибежала женщина, звать ее, кажется Тамара. Вся в слезах, с бледным лицом и трясущимися руками. Сказала, что ее дочь и зять умерли вчера ночью от

какой-то неизвестной болезни. Она рано утром пришла к ним домой узнать как у них дела. Говорит, что всю ночь не спала, словно предчувствовала какую-то беду. Многие матери чувствуют, если с их детьми что-то случается — это всем известно. Тамара, к сожалению, не ошиблась. Войдя во двор, она сначала постучала в окно — из дома никто не вышел. Входная дверь была приоткрыта. Она вошла внутрь и в зале увидела свою мертвую дочь, лежащую на диване и зятя, лежащего на полу. Их тела были черного цвета, словно обгоревшие после пожара, но абсолютно не поврежденные... Имею в виду, видимых физических увечий не было. Поэтому она решила, что они заразились и умерли от какой-то неизвестной болезни. Потом она спохватилась и заглянула в детскую спальню — ребенка там не было. Выйдя на улицу, она увидела девочку, свою пятилетнюю внучку. Та сидела под забором, спрятавшись за каким-то кустом. Ребенок пребывает в шоковом состоянии. Девочка не разговаривает и не реагирует на вопросы. Просто молчит... Это и не удивительно в такой ситуации. Тамара отвела девочку к себе домой и сразу прибежала ко мне. Я попытался ее успокоить, насколько это вообще возможно в ее положении. Мы вместе поехали туда... домой к ее дочке и зятю. Я осмотрел дом и трупы — картина оказалась

ужасающей. Тела абсолютно черные. Руки, лицо, даже ногти — все черное. Я имею в виду не цвет кожи афро-американцев, а абсолютно черный цвет... Цвет угля.

Глаза выглядят особенно ужасно. Остекленевшие и тоже полностью черные.

На лицах застыла гримаса немого ужаса, — Коржаков шумно сглотнул. — Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Меня там аж мутить начало... Почему эта Тамара именно ко мне прибежала?.. Я уж, вроде как, и не при делах...

Глубоко вздохнув, Коржаков умолк. Слушатели даже привстали.

— Тут, конечно, сыграла роль ваша репутация... — предположила Онищенко, — вы же как-никак, прокурором работали. Да и к кому этой Тамаре еще бежать было, ко мне что ли?! Случись у меня по соседству или дома — не дай Бог, такое! — она постучала по крышке стола, — я бы, наверно, тоже прибежала именно к вам!

Вообще, я хочу сказать что рада тому, что именно вы взяли инициативу в свои руки.

У нас тут, скажем прямо, не детективное агенство собралось... и уж никак не Скотланд-Ярд... черт его дери! — Онищенко, не терпящим возражений взглядом главы вверенной ей общины обвела свою *паству* и официальным тоном отчиханила. — Ввиду случившихся

чрезвычайных обстоятельств, я, как уполномоченный представитель центрального органа власти, прошу заметить на вполне законных правах, делаю вам официальное предложение: заняться расследованием чрезвычайной ситуации сложившейся в данное время. Лично я обязуюсь, в силу своих возможностей, оказывать вам всяческую помощь и поддержку. Для соблюдения процедуры сейчас напишу соответствующее распоряжение.

— Светлана Владимировна, не надо никакого распоряжения. — Слова главы поссовета польстили самолюбию Коржакова. — Сейчас не время распоряжений, заявлений и прочей бюрократии. Я, как и вы все, тоже ведь оказался участником этой канители, и разобраться в происходящем просто считаю своим долгом. Но если вам нужен мой официальный ответ — считайте, что ваше предложение принято. Сейчас я предлагаю создать некий импровизированный план дальнейших действий, хотя бы на сегодняшний день.

Коржаков ненадолго приумолк, остальные тоже молчали.

Он продолжил.

— Во-первых, нам нужна карта поселка, желательно в крупном масштабе, можно и аэрофотоснимок, если такой у вас, конечно, имеется. В общем, несите все картографические материалы, какие у вас есть.

Я думаю, нам надо обрисовать, так сказать, ситуацию в целом, увидеть общую картину. Мне кажется, если на карту схематично нанести все эти... «новшества», может, увидим что-то новое в общем контексте.

— Товарищи, — обратился он ко всей группе. — У кого на уме что есть?.. Давайте, выкладывайте.

Первым высказался Андрей.

— Нам-то и сейчас понятно, что через разлом не перепрыгнешь и не перелетишь, и лужи эти чертовы так просто не преодолеешь... Получается, значит, юг и восток закрыты наглухо. На север только пешком пройти можно. По-другому никак. А пешком далеко...

— Да и черт его знает, — рассудительно вставил Славик — чего там дальше, по дороге этой... новой. Может, там тоже разлом какой-то в земле получился?! Мы ж не знаем.

— Верно ты Славон говоришь, — согласился Андрей, — это неизвестно. А что у нас на западе? Этого пока мы не знаем но, думаю, ничего хорошего там тоже нет.

— А я вот знаю, хоть и не местный, — подключился Коржаков, — что там, на западе, болотистая местность, «черный лес» по-вашему... на местном, так сказать, сленге — правильно?

Все молчали, никто не подтвердил и не

опроверг этих слов.

Посчитав молчание знаком согласия, Коржаков продолжил.

— Так вот, думаю, на западе тоже что-то изменилось и придется вам ребята разузнать, что там и к чему. Но вы сами понимаете, действовать надо без глупостей и геройства. Только осмотреть местность, если что-то есть... можно сфотографировать... и сразу назад.

При упоминании о фотографиях, Валера — местная знаменитость по части «аномальных фото», заметно оживился и высказал свое предложение.

— Кстати, раз нам предстоит обследовать эти места, наверно, не лишним будет взять с собой оружие. Мало ли чего там может быть?

— Правильное предложение, — кивнул Коржаков, — наличие оружия в опасных ситуациях придает большей уверенности в себе. Это еще одна причина, по которой тут собрались именно охотники... а не домохозяйки.

— А когда мы начнем эти наши... действия? — спросил Андрей. — Я так думаю, сейчас народ поползет, кому куда вздумается. Никто ж по домам сидеть не будет! Это как пить дать!

— Да, — снова кивнул Коржаков, соглашаясь, — сейчас точно полезут, и наверняка найдут себе проблемы на то самое причинное

место. Но с этим ничего не поделаешь. Любопытной Варваре что оторвали. Сами знаете. Хотя... люди, обладающее хорошей чуйкой... в те места соваться не станут.

— Потому что опасно там! — воскликнул Славик-ветеринар, — Оно ведь чувствуется! Опасность чувствуется задницей! Правда?!

— Да, с этим нельзя не согласиться, — подтвердил Александр Николаевич, — мы все это чувствуем. Это, товарищи, инстинкт самосохранения работает.

Молчаливым согласием за всех находящихся в зале — ответила тишина.

— Ладно. Хорош нюни распускать! — Коржаков ободряюще хлопнул в ладоши. — Сейчас начнем действовать следующим образом: господа охотники — вы идете все домой, берете оружие и возвращаетесь обратно. На все про все, думаю... минут сорок-пятьдесят вам хватит. Затем разделяем группу пополам. Распределяетесь сами по своему усмотрению. Но желательно в каждой группе назначить руководителя. Подчеркиваю — все делаете сами, я вам не указ. Это просто... настоятельная рекомендация. Одна группа идет на запад — осматривать болота. Вторая группа должна осмотреть общий периметр населенного пункта. Я имею в виду обход по кромке, назовем ее приграничной зоной, за пределы которой не стоит

совать нос, по крайней мере, пока. — Александр Николаевич, нарисовал пальцем в воздухе импровизированный круг — как бы конкретизируя допустимые пределы предстоящего обхода. — Надеюсь, всем все понятно и задача ясна. Запоминаем, все что видим, по возможности фотографируем. Если на пути встречаются люди — спрашиваем, что они видели или знают. Часов в пять вечера собираемся снова здесь и обсуждаем все, что удастся выяснить. А я поеду на обследование трупов вместе с Вячеславом.

Дверь скрипнула. Глава поссовета, временно покинувшая актовый зал, вернулась с ворохом бумаг и положила их на стол. Это были карты населенного пункта. Старые и новые, большие и маленькие — все, что удалось отыскать. Даже один аэрофотоснимок нашелся.

— Отлично! — воскликнул Коржаков. — Сейчас наметим для обеих групп маршруты движения. Каждая возьмет с собой один экземпляр карты и на ней будет отмечать все интересные ме... — тут он запнулся.

Во время своего монолога он разворачивал большую карту десяти тысячного масштаба. Расстелив ее на столе, он уставился на нее, остановившись на полуслове. Затем, медленно выговаривая каждое слово, произнес — Светлана. Владимировна. Пожалуйста. Прикройте уши. На

одну минуточку.

Та явно не поняла, зачем это ей, ни с того ни сего, прикрывать уши. Но спорить не стала и выполнила просьбу.

Коржаков выругался очень цветастыми речевыми оборотами.

Даже охотники узнали для себя много нового.

Даже глава поссовета Онищенко с неплотно прикрытыми ушами поспешила прикрыть их поплотней.

Вся компания быстренько съюрбилась вокруг карты, стремясь увидеть, что же так вывело из себя Александра Николаевича.

Все оказалось совсем непонятно и очень даже странно. Сама по себе карта, как средство копирования элементов земной поверхности, изображала совсем не то, что ей положено.

По диагонали картинку пересекала ломаная линия. Центральная трасса главной улицы Александрии. Только незадача состояла в том, что самой улицы на карте не было. Карта была крупномасштабная, один к десяти тысячам. На ней должны виднеться дома, мелкие проселочные дороги, и все остальное, что можно рассмотреть с высоты птичьего полета. А тут присутствовала лишь одна центральная траса и больше никаких признаков цивилизации.

Там, где в реальности была жилая зона —

постройки, огороды и прочее — красовались условные топографические значки. Лес, луг, болото...

По сути, карта показывала не заселенную людьми территорию, пересеченную пополам асфальтной трассой. Все присутствующие просто тарасились на очередную «непонятность». Комментировать ЭТО было сложно.

Онищенко молча положила поверх развернутой карты еще один бумажный прямоугольник. Он оказался аэрофотоснимком. Тут все было немного по-другому, но по сути своей, то же самое.

В центре фотокарты красовалась большое черное пятно, оно поглотило весь поселок.

— А ну-ка, — потребовал Валера, пробираясь поближе к картам — позвольте-ка! У меня тут мысль одна возникла.

Взяв верхний лист с брезгливой миной, будто то была дохлая жаба, он передал его кому-то из рядом стоящих. Вытащил телефон, включил функцию фотокамеры, навел объектив на карту и сфотографировал ее.

Картинка зафиксировалась и тут же плавно изменилась. Весь поселок со всеми улицами, домами и всем остальным, плавно возродился на дисплее телефона. Валера деловито положил телефон на стол для всеобщего обозрения.

Глава IV

Детки в клетке

— Отомстить старой заднице! Миссия выполнена! Да, мы это сделали! Да, еще как сделали! Серега ты телефон приготовил? — Возбужденно подпрыгивая от нетерпения, спросил Толик своего коллегу по миссии.

— Да приготовил, приготовил. Толян, давай уже прятаться поскорей, а то заметит кто-то!

— Ага, давай. Полезли вон туда. — Двое парней, словно партизаны, пробирались сквозь чащу густых и непроглядных зарослей репейника.

— Подожди, — остановился Серега, — мы ж оттуда ничего не увидим, давай поближе... вон лучше туда.

Немного изменив траекторию своего пути, они подобрались поближе к выходу из дебрей. Там и обосновали свой наблюдательный пункт, убрав мешающие обзору ветки. Приноравливаясь, Серега навел видеокамеру своего телефона на необходимый объект. Все видно как на ладони. Просто идеально. Негромко перешептываясь и хихикая, ребята стали ждать своего звездного часа, чтобы снять очень интересное «кино».

Через минуту-другую невдалеке показалась фигура. Человек передвигался неспешным шагом.

Шел он как раз в то место, куда был направлен объектив видеокамеры. Ребята притихли, как мухи.

— Смотри Серый! Смотри! — возбужденно шептал Толик — Вон она. Смотри! Чалапает, пердунья старая! Давай снимай!

Сереге молча кивнул головой.

Подошедшим человеком оказалась старенькая бабушка. Она пришла за своей живностью, мирно пасущейся на лугу. Поскольку бабушка была весьма почтенного возраста, со зрением у нее было не очень.

Баба Нина, как звали ее местные, подошла к своей козочке Наде, спокойно ее отвязала и, держа за веревочку, повела животину в сторону дома. Коза послушно следовала за своей хозяйкой.

Проказники, давясь от смеха, снимали на видео происходящее далее...

Баба Нина — хоть и плохо видела, но все же узрела, чего-то с ее Надей что-то было не так. Она вытащила из кармана свои старенькие очки и напялила их себе на нос. Увидев во всей красе свою любимицу, бабулька раскрыла рот и истошно заорала. Бросила поводок и умчала с луга со скоростью, доступной ей лет эдак пятьдесят назад, не меньше.

Козюлька Надька, явно не понимая причин внезапного приступа истерии своей хозяйки, задорно «бекнула» и припустила вслед за ней.

Баба Нина на время позабыла обо всех своих болячках и недугах. Она летела как бронепоезд, взывая к помощи всех святых угодников, а козочка Надя бежала в сед за ней полыхая всеми цветами радуги, подобно цветику-семицветику. Правый бок козы был выкрашен ярко-оранжевой краской из баллончика, левый — пылал ярко-зеленой расцветкой. Морда и рога горели ярко-красным «адским пламенем». На спине у нее красовалась надпись черным — «Нинка дура».

Со стороны коза выглядела как несуразное «чудо-юдо», порожденное некомпетентной генной инженерией.

Животное почти настигло хозяйку, когда та, перед самым ее носом захлопнула калитку.

Режиссеры-постановщики закончили видео-сессию, насмеялись вдоволь и сейчас потихоньку выбирались из укрытия. Поработали они сегодня на славу, все получилось, как нельзя лучше. Вот будет для всей публики потеха! В другое время это видео наверняка стало бы хитом интернета.

А баба Нина, карга старая, сама виновата — так ей и надо!

Сидит молодежь на улице. Слушает музыку. Никого не трогает. Даже не особенно шумит. Тут *эта* нарисрвалась и давай вычитывать, мол — сидят тут девки бесстыжие, в коротких шортах да с

размалеванными лицами... Куда ж ваши родители смотрят?!..

Вот и поплатилась бабка. Нечего свой нос куда не надо совать. Порешили всей компашкой, сделать старухе западнянку. Задумано — сделано.

Толик и Серега решили пока видео никому не показывать. Вечером сюрприз будет. Сегодня планировалась интересная вылазка в лес с шашлыками и всеми остальными прелестями летнего времяпровождения. Правда, в свете событий последних нескольких дней, существовала реальная угроза срыва этого мероприятия. Родители в здравом уме вряд ли кого отпустят в лес, да еще и ночью. Но ведь всегда можно что-то придумать. Например, сказать, что вылазка будет не в лесу, а у кого-то дома, во дворе. Так все предки согласятся, ну или почти все. Только говорить надо всем одно и тоже, чтобы ненароком впросак не попасть, а там уж будет видно — в лес идти, или где поближе обосноваться.

Тем временем вечерело, солнце все ближе клонилось к горизонту, небо окрашивалось в сумеречно-пурпурный цвет. У ребят оставалось еще одно незавершенное дело. Они вдвоем, как исполнители воли молодежных масс, вдохновленные и окрыленные недавним успехом, решили еще кое-чего *сотворить*. К тому же, это им не впервой было. Только подождать

чуток нужно, пока стемнеет немного.

Еще, предстояла важная задача — навестить всех потенциальных участников вечернего мероприятия, обсудить что, как и к чему. Сейчас приходилось делать все по старинке — телефоны ведь не работают. Компания планировалась не такая уж и большая, всего человек восемь или десять, а может и того меньше. Но побегать немного придется — никуда не денешься.

Организаторы мероприятия посетили почти всех своих друзей, и наконец-то собрались заняться тем самым незаконченным делом. Улицы уже почти полностью опустели, можно и приступить...

Традиционно — в Александрии, кто-то всегда чего-то продавал, то ли это живность, то ли продукты земледелия — в общем, всякую всячину. Процедура оповещения об объектах продаж зачастую была одна и та же. Если человеку хотелось что-то сбавить — он писал «объявление» на собственных воротах или заборе. Не очень трудоемко — зато предельно ясно и понятно.

Вот корректировкой этих самых «рекламных» надписей, сейчас и хотели заняться Толик и Серега.

С их легкой руки надпись — «продам козла» менялась на «продам мужа козла». Или — обменяю корову... на — «... жену корову», «... тещу свинью», «... деда барана» и так далее, насколько хватало воображения. А воображения у них было,

хоть отбавляй! Если еще прибавить креатива и, к примеру, дописать снизу — подпись: Коля сосед, с которым у владельца выше указанной «жены коровы» не очень теплые отношения, то к утру вполне вероятен масштабный скандал, а то и мордобой мог приключиться.

Есть над чем со стороны понаблюдать. Конечно, ссорить соседей таким коварным способом — это плохо. Но ведь скука смертная — чего не сделаешь, чтобы ее разогнать. Конечно, Толик и Серега так шалили не слишком часто — если попадешься, от расплаты не уйти. Так что делать все надо аккуратно и надежно, без всяких проволочек.

Справедливости ради надо отметить — «интересные надписи» получали далеко не все, кто рекламировал продукцию на собственных воротах. В основном выбор падал на тот контингент, который «с гнильцой», как говорится. Так, в список потенциальных клиентов Толика и Сереги попадали: жадины, сплетники, алкаши всякие и тому подобная братия.

Была одна семейка, как говорится по местному — «адамсов», которым они сделали «особенный подарок». Глава их семейства, если сказать по простому — был «быковат». Он всегда ходил, словно напыщенный индюк и только по ему одному ведомым причинам, ни с кем не здоровался.

Видать, он слыл слишком высокого мнения о собственной персоне, чтобы здороваться с простыми смертными, хоть особенного-то в нем было не больше чем в навозном жуке.

Вообще, эта скандальная семейка с соседями уживалась плохо. Не так давно они перебравшись на центральную улицу с захудалого хутора, где им, по мнению большинства жителей, было самое место, и уже успели переругаться чуть ли не со всеми соседями. Их дом ограждал высокий, непроницаемый для чужих глаз забор. В одно прекрасное утро по всей диагональной плоскости ограждения появилась кричащая надпись. Огромные заглавные буквы, нанесенные красной краской из баллончика, гласили: «НЕ ЗДОРОВАЮТСЯ ТОЛЬКО ЛОХИ И МУДИЛЫ А У ТЕБЯ КОЗЛИНА РОТ С ЖОПОЙ МЕСТАМИ ПОМЕНЯЛИСЬ!!!».

Эта надпись несказанно повеселила народ. Любой человек, взглянувший на «напыщенного индюка», неизменно давился от смеха, вспоминая «послание». Впрочем, самого индюка это изречение ничему не научило. Он по-прежнему не здоровался, и лишь больше обозлился на весь белый свет.

Он не мог подозревать в злодеянии кого-то конкретно, ведь индюк *вообще* ни с кем не здоровался. Соответственно, надпись мог сделать любой житель поселка.

Народные мстители сейчас с деловитым видом расхаживали по улице, производя разведовательные действия и выискивая кому бы чего «намалевать». Вдруг им на глаза попался один мужичек. Он сидел на лавочке возле двора, подперев подбородок рукой и, кажется... плакал. Голову его покрывала большая соломенная шляпа, нахлобученная на самые брови. Дядька вызвал у ребят живой интерес. Они, конечно же, узнали этого товарища — Федька Хряков — местный алкаш.

Но почему же он плачет?.. Небось, напился снова до чертиков и чего-то накуролесил.

Ребята решили подойти и расспросить.

— Дядь Федь, чего плачете? — спросил Толик. — Небось опять чужой велик посеяли?

Была у Хрякова такая привычка: одалживать у соседей велосипед, чтоб в магазин смотаться, а потом терять его где-то в кустах на полдороги домой.

— Да нет, ребятки, — ответил он, вытирая рукавом слезы, — тут история позавчера со мной случилась... — Видно было, что Федька сегодня немного поддал, и его начинали разбирать эмоции. Но с виду, он был пьян не сильно, только слегка. Правая его рука была забинтована от кончиков пальцев до самого локтя.

— По пьяни случилась, наверно?.. да,

дядь-Федь? — с участием спросил Серега, глядя на пострадавшую конечность.

— Да по пьяне... лишнего чуток хлебнул, а с кем не бывает?!

— Так расскажите нам, что у вас стряслось?

— Да ну... — махнул он здоровой рукой, — все равно не поверите.

— Да мы поверим, — заверил его Толик, — поверим, рассказывайте!

— Ладно, так уж и быть. Расскажу. — Он начал свой рассказ...

Ребята слушали внимательно, не перебивая. Когда Хряков закончил, Серега шепотом спросил.

— А не врете?..

— Вот те крест! — Федька рьяно перекрестился левой рукой, и снял с головы соломенную шляпу — Чтоб мне сто грамм в глотку не полезло!.. Если вру!

Ребята ахнули!

Голова у него была вся седая, как у столетнего старца. Хрякову же только полтинник недавно стукнуло.

— «Ну, дела, за одну ночь поседел! — Подумал про себя Толик. — Да оно-то и не удивительно, такое увидеть! Эту историю надо бы рассказать вечером возле костра. Пускай все остальные в штаны наложат! Вот потеха будет!»

Возле костра собралось народу немного, всего-то пять человек. Уже известные мастера тайных надписей — Толик и Серега, долговязый паренек Юрка, по кличке «дылда». Еще одного участника звали Ваня. Кличка у него тоже имелась — «фарафо». Получил он ее из-за потери одного переднего зуба. Это досадное обстоятельство, характерно искажало его речь. Последнего члена компании звали Паша. Просто Паша — без прозвища. Он пришел не один, прихватил с собой своего верного друга, собаку по кличке «Джеки».

Компания, на свой страх и риск, обосновалась в лесу, вернее, на самой его опушке. Сразу за чертой жилых домов раскинулись зеленые дебри, среди которых была живописная полянка, пользующаяся популярностью у молодежи. Образовалась она давным-давно, на месте группки усохших деревьев.

Полянка эта, не имела специально приспособленного набора средств для отдыха. Не было здесь ни столов, ни лавочек, ни навесов защищающих от дождя. Удобств почти никаких. Имелось только место для костра — выложенный из красного кирпича круг, да парочка трухлявых бревен, чтоб сидеть. Впрочем, для молодежной компании этого вполне достаточно.

В сгустившихся сумерках бойко пылал кострик, освещая лица участников посиделок. С шашлыками сегодня не срослось. Организация мероприятия оказалась не на высшем уровне. Кто-то кому-то чего-то позабыл сказать. Или кто-то кого-то не так понял. Но это уже и не столь важно. Виноватого никто искать не стал — просто решили заменить шашлыки чем-то другим. Но вот чем? Все просто — взяли побольше картошки, чтоб испечь ее в костре, как в детстве!. В добавок, кто что смог, взял из дому. Главное — арсенал угоречительного был в полном объеме. Шашлык — это, конечно, здорово, но можно и без него обойтись.

Ребята окружили Серегу, демонстрировавшего интересное кино. На экране прыткой поступью мчалась вопящая баба Нина, а за ней гналась пестро разукрашенная коза. Видео короткое, меньше минуты, но зато позитивных эмоций — через край. Все без исключения рвали животы от хохота. Презентация удалась, как и следовало ожидать. О том, как пережила, и пережила ли вообще этот стресс баба Нина, никто особенно не задумался.

Вдоволь насмеявшись, все взяли по бутылочке пивка и расселись плотным кружком вокруг костра.

Серега подмигнул Толику, будто спрашивая — «не наступило ли время для той самой страшной истории, рассказанной Хряком».

Толик одобрительно кивнул.

Сергеа начал издалека:

— Пацаны, а отгадайте-ка загадку?

— Фаляй! — отозвался Ваня «Фарафо».

— Значь так, — начал Сергеа, — Хряка вы же все знаете?.. Правильно?

— Алкана этого?! — удивился Пашка. — Кто ж его не знает-то?!

— Так вот. — Сергеа выдержал небольшую паузу. — У Хряка, значь, есть корова. Он каждое утро ходит к теще, и оттуда тащит... заметьте, расстояние-то немалое... тащит оттуда один тюк сена для своей буренки. При этом у него дома есть отличное помещение для хранения сена.

Вопрос — почему Хряк хранит сено у тещи, а не у себя дома. Да еще и таскает, только по одному тюку в день, а? Правда, он это делал зимой, а не сейчас — летом. Но суть вопроса не меняется.

— Ха! — деловито молвил Юра «дылда». — Дураку же понятно! Если сено будет лежать у него дома — он его пропьёт! Пробухает все до последней соломинки! Корова его с голоду подохнет тогда! Теща у Хряка ведь не глупая. Догадывается на что зятек ее способен ради зеленого змея, вот и наложила свое вето.

— Ну, — надул губы Сергеа, — с вами не интересно, сразу отгадали. Вот, скажем, если бы эту загадку кому-то из не местных загадать, или

девченкам — те так быстро не догадаются...

— Кстати, — спросил Ваня «Фарафо», — а где наши девафи?

— Девахи, Ванек, — осведомил товарища Толик, — по домам сидят, их родители не отпустили. Так что у нас чисто мужская компашка сегодня. Да и не нужны нам бабы сегодня. У нас вон с Серегой, есть одна страшилка, кстати сказать, может, даже не выдумка. Мы хотели ее тут рассказать. Присутствовали бы тут девки — был бы только мышинный писк! Не дали бы нормально рассказать — вы ж их знаете.

Кстати! Я тоже один прикол вспомнил, я тоже загадку загадаю, раз уж Серега начал. — Толик в предвкушении потер руки. — Скажите — есть ли жизнь на марсе?

Все молчали, ожидая скрытого подвоха, ведь это загадка-прикол.

— Ну, чего молчите, а?

— Толян, — отозвался Юрка, — да не морочил бы ты голову, не тяни резину — говори уже — в чем фишка? Нет там никакой жизни — это вроде как научный факт, или не научный... в общем — хрен его знает! Пускай туда полетят, кому очень интересно, и узнают. Мне лично — пофигу!

— Ладно, со всей ответственностью заявляю, жизнь на марсе есть, да еще какая. В общем, так. Где-то там, на краю географии, — Толик

неопределенно махнул рукой, — есть одно Богом забытое село, и называется оно... выдумал же какой-то дурачина. Марсом называется! Прикиньте! Живут там, получается — «Марсиане»! Так что вопрос — есть ли жизнь на Марсе — исчерпан.

Живут на том «Марсе» люди, их там не много — человек двадцать, в основном одни старики. В общем, Марс этот находится где-то далеко... чуть ближе, чем у черта в заднице. Марсиане эти живут в основном особняком, безвылазно. О селе этом мало кто знает. Как-то раз, один дедуля-марсианин решил в город смотаться. Запряг он лошадку свою и поехал. В городе, значь, дедуля выпил прилично, и чего-то там, с кем-то не поделил. Завязалась потасовка и деда замели в ментовку.

Там его спрашивают, мол, ты, старый хрыч — чего беспредельничаешь?! Давай документы, а дед говорит, что дома забыл. Они давай его расспрашивать — кто он, и откуда? А дед-то навеселе был, он и отвечает — «Да к... с Марса я, ребятаушки. Вот туточки, недалечько». Менты, конечно, подумали что старый с водкой явно перебрал, и нелады с башкой у него случились. Спрашивают снова — «Мол, слышь ты — «марсианин» — на чем же ты к нам прилетел?!» А дед и отвечает «Да к... на самолете, ребятки, он там-то, возле пивной, до сих пор стоит, как бы ни спер никто».

Потом дед немного прохмелел и вспомнил, что документики у него все-таки имеются, и предъявил блюстителям правопорядка паспорт. У тех челюсти отвисли. В прописке у него местом жительства значилось — «село — Марс». Про самолет дед тоже не соврал — коня его «самолетом» звали!

К концу рассказа все катались по земле от хохота. Один Серега не смеялся, ему не терпелось приступить к страшилке, и он всем напомнил, что подошла ее очередь.

— А что за история? — Заинтересовано спросил Паша.

— Мы сегодня с Толяном — вечером разговаривали с тем самым Хряком, о котором загадка Серегина была. Хряк нам рассказал, что с ним позавчера ночью приключилась жуткая хреновина.

Короче, суть в том, что он — как и всегда, позавчера, сильно нарезался, где-то потерял соседский велосипед, которым попросил попользоваться. Жена его домой не пустила. Мол, потерял — вали, ищи, где хочешь, хоть новый рожай — свинья пьяная. Он и поперся искать по тем местам, где перед этим калдырил. Встретил он, значь, по дороге одного из собутыльников — пожаловался на судьбу свою, а тот ему и говорит. «А не бросил ли ты, Федька, велик на кладбище, где

мы утром друга Коляна поминали?»).

Они, значь, за оригинальное предположение бабахнули еще по соточке, и Хряк поплелся на старое кладбище искать потерянный велосипед. Там его вконец разобрало и сморило. Он прилег в кустиках, подремать немного, как он говорит, да и дал храпака. Ночью проснулся, то ли от холода, то ли от чего другого, и увидел на кладбище кое-чего... — голос Сереги сделался тише, — и пока к поселку Хряк добежал, поседел весь!

Мы с Толиком сегодня его башку видали — седой как лунь стал! Вот мы и хотим рассказать вам его историю.

— Так рассказывайте! — выпалил Юрка, — чего тянете?!

Остальные, тоже заинтригованные, ждали интересной истории.

— Толян расскажи ты, — предложил Серега, — у тебя воображалка лучше работает, и вообще, все эти пересказы у тебя лучше получаются.

— Хорошо. Только я буду все это описывать, как я себе это представил. В подробностях и мелочах, это, типа, для пушшего эффекта. Так что не обессудьте, если чуть приукрашу. Обещаю — суть рассказа останется неизменной. Если расскажу словами Хряка, то получатся одни маты.

Ладно — начинаю...

Горизонт затянуло серое покрывало дождевых туч. Они извергали непрерывный поток дождя. В ночном лесу деревья таинственно перешептывались между собой, словно зная какую-то страшную тайну — предвещали события, которым, суждено было случиться в недалеком будущем...

— Толян, — бесцеремонно вклинился в рассказ Юрка, — так дождя вроде ж не было?..

— Дылда! — зло гаркнул Толик — Ты... ты по ночам чего делаешь?.. Спишь?

— Ну... сплю.

— Ну вот, дождь прошел, пока ты дрыхнул! Бревно ты тупое. И не перебивай меня! Ферштейн?

— ... ладно.

— Я ж сказал, что буду приукрашивать...

...Посреди лесной полянки покоилось старое и давно заброшенное людьми кладбище. Силуэты покосившихся крестов нечетко просматривались в ночной мгле. Гробовую тишину погоста нарушало лишь тихое перешептывание деревьев, да мелкая дробь капелек дождя барабанящая по листьям.

Вдруг, над одной из могил, возникло пульсирующее свечение зеленоватого цвета! Пучок света появился прямо у изголовья захоронения и стал медленно-медленно подниматься вверх по кресту. Светящаяся штука застыла на самой его верхушке.

...Юрка дылда подумал, что светящаяся штука это шаровая молния...

Дождь как-то резко прекратился, а светящаяся точка все набирала силу; ее излучение становилось все мощнее. Яркое светило озарило почти весь погост!

Вдруг... над могилами, один за другим начали вспыхивать все новые и новые огоньки. Потом все огни пришли в движение, скользя по воздуху в полной тиши они подплывали к тому самому... первому светилу. Образовался светящийся круг! В его центре ярко пылала, переливаясь разными цветами, пульсирующая световая субстанция.

Таинственное зрелище, возникшее посреди ночного леса, поражало своим величием, ввергая в немой ужас случайных свидетелей... В воздухе нарастало напряжение! В одно мгновение все участники таинственного действия ринулись в центр круга соединившись в одно целое!

Образовался огромный шар, он несколько секунд бешено вращался, переливаясь пестрой расцветкой! Затем последовал оглушительный хлопок, будто рванула петарда!.. Во все стороны, словно феерверк, взмыли разноцветные искорки. Они медленно опустились на землю и постепенно угасли. Кладбище снова погрузилось во тьму. На могиле, где несколько минут назад росла только трава, лежало что-то, похожее на кусок

мешковатой ткани...

Вдруг... под тканью что-то зашевелилось! Словно из ниоткуда вырос небольшой бугорок. Потом он начал стремительно увеличиваться в размерах. Несколько секунд спустя человекообразная фигура, закутанная в балахон с накинутым на голову капюшоном, возвышалась над старой безымянной могилой. Под ногами загадочного пришельца вся трава просто выгорела, словно ее огнем испепелили!

Из-под капюшона, скрывающего нечто страшное, вырвался хриплый выдох и в воздухе повис запах серных рудников. Фигура зашевелилась, неспешно сошла с могилы и направилась к ближайшим зарослям...

— Толян, а фто, серу из рудников добыфают? — Заинтересовано спросил Ваня «фарафо»

— «Фарафо» — откуда мне знать, где ее добывают?! — снова вознегодовал Толик, — Ванька, ты что, идиот? Это оборот речи такой, сравнение, метафора — понимаешь?.. Я мог бы сказать, что у него изо рта воняло как из задницы у бегемота. Суть бы не поменялась — врубаешься?

— Да пофол ты, умник! — Обижено парировал Ваня — Я просто так спросил! Разглагольствует он тут, фидете ли! Профессор френов!..

— Пацаны, а история то и вправду жутковатая! — оценил рассказ Юрка, посасывая пивко из бутылки. — Неужто Хряк и впрямь такое увидел?!

Внезапно все чуть не подпрыгнули от раздавшегося «рычания».

Однако перепугались зря. Оказалось, что это всего лишь громкая отрывка после обильной дозы пива. Ванька, довольно улыбнувшись, выдал свою коронную фразу. Из-за частого употребления которой и получи свое прозвище.

— «Фарафо, форафо — когда выпьеф да ефо!». Что в оригинале должно было звучать как: «Хорошо, хорошо — когда выпьешь, да еще».

Сейчас его шутливое «фарафо» все пропустили мимо ушей.

— Да, скорее всего, видел, раз за одну ночь поседел — сказал раздумчиво Толик. — В этом рассказе, я только маты на нормальные слова заменил. Честно. Отсебятины совсем вот столько. — Толик почти вплотную соединил указательный и большой пальцы, демонстрируя всем малюсенький зазор между ними.

— А еще не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы сообразить, — отозвался Пашка, до этого в основном молчавший. — То, что возможно, видел на кладбище Хряков, вполне вероятно, связано с происходящими в Александрии событиями, за

последние пару дней.

— Фто вообще происходит?.. как кто думает?.. — прошепелявил Ванька. — Лично я ни фига не понимаю.

В компании воцарилась тишина. Темной ночью, на опушке непроглядного леса, вдали от жилых домов, мерцал одинокий костерок, освещая лишь задумчивые лица участников не совсем обычной вылазки.

Это мероприятие было скорее экспериментально-экстремального характера. На манер — «а нам все по фигу, и ни чего мы не боимся».

Темнота манила своей загадочностью. В нынешних обстоятельствах, возможность провести время в ночном лесу, где неподалеку, *возможно, таится что-то!* — это щекочет нервы, в этом и кайф. Это не киношку по телику глянуть в уютной спальне.

Все безоговорочно согласились с тем, что место вылазки должно быть именно здесь, а не где-то еще. Однако решение принимали засветло. Днем не страшно, и видится все не в том свете, что ночью.

Сейчас полностью смерклось и тьма уже заволокла сумеречным покрывалом все вокруг. После истории, рассказанной Толиком о таинственном происшествии на кладбище, ребятам

за воротник начал закрадываться неприятный холодок. Шутки-прибаутки как-то не клеились. Каждый уже подумывал, что пиво дома пилось бы ничуть не хуже чем в лесу, а может и гораздо лучше.

Разговор какой-никакой поддерживался. Говорили о том, вспоминали о сем, а в основном обсуждали происшествия последних двух дней. Тема сама по себе интереснее не придумаешь, хоть и не ахти какая радостная, а ночью, в темном лесу, так вообще — жуть. На пиво нажимали, как могли. Картошку удачно испекли, и вроде все... и нормально, и проблем никаких... видимых нет. Но вот только почему-то каждый, время от времени поворачивал голову назад, взглянуть в сумрачную лесную чашу... нет ли там чего за спиной. Ну, так просто, на всякий случай. Меж тем тьма все сгущалась, и глубокая ночь вступила в свои права.

Пашку вдруг передернуло. Будто только что, проснувшись, он растеряно проронил. — Черт, а где ж моя собака?.. — Он тут же громко ее позвал. — Дже-е-е-киииии!

Джекки была умницей. Пашка ее обожал. Лайка черной масти с беленькой грудкой и лапками в белых носочках. Хвостик бубликом, ушки торчком — прелесть. Хозяин питомца, был убежден — лайка, это самая, что ни на есть усредненная модель собаки, так сказать — эталон. Ни большая,

не маленькая, никаких тебе слюнопусканий, складок на морде и прочих гнусностей. Таких симпатичных собачек обычно изображают на картинках в детских книжках.

Впрочем, как говорят, на вкус и цвет...

... а собаченки-то нет... Джеки исчезла. Все проведенное здесь время она никуда не отходила. Сидела возле хозяина, ожидая какой-то вкусный презент.

Компания зашевелилась, высматривая, нет ли ее где поблизости...

Впрочем, как оказалось, исчезла не только собака. Серега тоже пропал. Вроде только что был здесь, и тут его уже нет. Может, отлить отошел? Только этого почему-то никто не заметил. Толик и Паша покинув свои насиженные гнездовья поочередно горланили, зовя то Серегу, то Джеки. В ответ тишина. В компании нарастала нервозность. Конечно, собака могла убежать домой, но Серега-то куда подевался? Тут еще, как назло, костер притухать стал, неизвестно почему.

— Чего вы сидите как болваны! — Рывкнул Толик Ваньке и Юрке. — Подбросьте дров, раздуйте его, что ли. Пни с ушами! Не видите, костер гаснет!

Ушастые пни зашевелились, занявшись реанимацией костра. Через пару минут возня принесла результат. Костер вновь запылал ярким

пламенем. Пока Юра и Ваня возились с дровами, Толик со всей любезностью снабжал их устными методическими рекомендациями. Тем временем Паша отошел от говорливой компании в сторону.

Возможно, ему послышалось, или он действительно услышал отдаленный звук. Из чащи, вроде как, доноситься слабенькое попискивание, похожее на скулеж псины. У Пашки на вооружении имелся небольшой фонарик, и это обстоятельство его несказанно радовало. Хотя перспектива выколоть себе глаз какой-то веткой все равно не исчезала.

Он подошел к тому месту, где поляна заканчивалась, и начинались лесные чащобы.

Да, звук повторился — там, в темноте, действительно скулила собака, но тихо — будто ей прикрыли рот. Сердце у Пашки бешено заколотилось, адреналин прилил в кровь. Ему не хотелось лезть в дебри, но необходимость в том была. Он собрался с духом, сжал мертвой хваткой фонарь и, прикрыв рукой голову шагнул в лес.

Лучик света выхватывал из темноты причудливых лесных каракатиц — стволы, ветки, кустарники. Все топорщилось и будто тянулось к человеку, грозясь заграбастать его своими древовидными ручищами. Свет фонарика прорисовывал хоть какой-то путь. Пашка, главным образом, светил себе под ноги, чтобы хоть лбом не

стукнутся о какое-то дерево. Он углубился в лес всего метров на десять, но ему казалось, словно он находится среди непроходимой тайги да еще и в полном одиночестве. Где-то позади слышались приглушенные голоса возле костра. Ему казалось, он прошел чуть ли не на километр... Тут его снова передернуло — он опять услышал скулеж. Рядом! Совсем рядом! Это точно Джеки! Коленки немного дрогнули и он посветил вперед.

На земле, в паре шагов лежала Джеки, но это было не все. Ее рот сжимала чья-то рука. Над телом животного, в полу-приседе сгорбилась человеческая фигура, облаченная в грубое мешковатое одеяние. Голова опущена и покрыта капюшоном. Фигура начала двигаться, медленно поднимаясь. Рука отпустила собаку та вскочила на ноги и убежала. Человек в балахоне неспешно развернулся к Пашке. Из-за нахлобученного капюшона, лица не было видно вовсе. Горбун шагнул в сторону Павла. Тот, попятился назад. Сейчас в его голове в одну секунду пролетел рассказ Толика и чудище с кладбища. Фонарик в его руке дрожал, как осиновый лист. Человек в балахоне пригнулся к земле, его пальцы хищно торчали кверху. Горбун зарычал словно пес... Паша понял — он готовится к прыжку. Сделал еще шаг назад на деревянных негнущихся ногах.

Из-под капюшона раздался таинственный

голос. — *Павел! Отдай мне свою душу!»*

Один прыжок — человек в балахоне с истошным воплем летит на Пашу. Тот, вопя от ужаса, пятится назад и падает на спину. Лишь на одни миг лик человека в балахоне выхватывает свет фонаря. Паша видит это лицо — он знает кто это. Также он чувствует, как ему в зад впиваются острые колючки, но это сейчас не важно. Важно то, что он узнал лицо и все понял... Человек в балахоне — это исчезнувший Серега. Все это — просто розыгрыш!

Жертва розыгрыша лежит на земле и, кряхтя, потирает ушибленные места, а человек в балахоне валяется рядом, корчась от смеха. К хозяину подбегает Джеки и радостно лижет ему лицо. Он отпихивает собаку и принимает сидячее положение. Фонарик все еще у него в руке и даже светит.

Паша навел луч на Серегу. Тот тоже поднялся и, похоже, смекнул, что с шуткой вышел «небольшой» перебор. Все это они с Толиком придумали еще днем. Конечно, планировалось все не совсем так. Серега по окончанию рассказа Толика должен был просто с криками выскочить из кустов. Собака в их планы не входила, но получился такой вот экспромт и, похоже, сейчас за этот самый экспромт Сереге здорово влетит.

Со словами — Убью, сука! — Паша поднялся на карачки.

Сергея понял, извинениями тут вряд ли отделаешься; надо делать ноги.

Быстренько пролепетав, — Пашок извини, это просто прикол, — он со всех ног ринулся наутек. Не долго думая, Паша нащупал какой-то дрен и запустил им в сторону своего обидчика. Судя по возгласу «ай-бля!», Паша понял, что попал точно в цель.

— Так тебе и надо! Сейчас я тебе, слоняре, знаешь куда этот дрен вставлю?!. — негодовал разъяренный Пашка. — А ну стой... говнюк! Сейчас душу тебе принесу! — Он начал выбираться из чащи.

— Паша, не гони! Мы ж пошутили! — Уже на опушке леса послышался виноватый Серегин голосок. — Между прочим, Толька тоже виноват! Это он придумал, а ты мне чуть всю задницу не отшиб! Знаешь как больно?!

Паша потихоньку выбирался из чащи и уже почти простил этих засранцев. Если честно — он был просто рад, что это всего лишь розыгрыш, а не по-настоящему.

Приблизившись к костру, он окончательно успокоился, и даже улыбался, потирая ушибленные места. Узрев приближение Паши, Серега поспешно ретировался на противоположную сторону огнища, все еще опасаясь за свою шкуру. При этом он тоже почесывал свою заднюю часть, по которой

хорошенько прошлась палка.

Толик с невозмутимым видом смотрел на Пашу, при этом его указательный палец красноречиво указывал в сторону Сереги, мол, «виновник определен — вердикт на ваше рассуждение».

Паша, слегка поморщившись, молча уселся на свое место. Взяв свою недопитую бутылку пива, произнес. — Ладно... гады вы ползучие. Получите вы у меня... попозже.

— Паша извини, мы не хотели так тебя напугать! — Принялся объясняться Толик. — Это все вон тот придурок! — Он кивнул головой в сторону Сереги. — Он должен был просто выскочить из кустов, когда я закончу рассказ и заорать погромч — и все. А он вместо этого поймал твою собаку. Ну ты не обижайся — у него, знаешь ли, мозгов малость не хватает.

— Толян, ну ты и сука! — обижено отозвался Серега. — Ты ж сам все это придумал, а на меня сейчас валишь! Козляра брехливая!

— Но я же не говорил тебе собаку ловить?!

— А я ее и не ловил! Она сама прибежала. Только попридержал чуток и все! Подумал что прикольно получится, когда Паша ее искать станет.

— Ага, прикольно получилось, — отозвался Паша, — я чуть в штаны от страху не наложил. У вас пацаны, у обоих в башке чего-то не хватает.

Такое придумать! И еще! Кому-то в поселке ляпнете, головы оторву! Обоим! Вас двоих это тоже касается. — Предупреждение касалось Вани и Юры. Все согласно закивали, уверяя Пашу что мол «могила, ни пары с уст».

Обстановка потихоньку нормализовалась. Разговоры вернулись в прежнее русло. Кто-то предложил, — что, мол, пора бы уже и честь знать. Пиво и дома можно допить. Никто особо не возражал. Решили еще чуть-чуть — и по домам.

Джеки почему-то нервничала. Она все время вертелась, поглядывая в сторону леса, и тихонько поскуливала. Затем улеглась прямо возле ног хозяина, положив голову на передние лапы.

— Вот придурки, — не унимался Пашка. — Вы ее напугали, я вам точно рога поотшибаю.

Между тем, наступила глубокая ночь. Темнота окутала все вокруг. На небе ни звездочки. Костер еле-еле чах, будто в воздухе не хватало кислорода. Подбрасывание сухих веток и раздувание не приносило особых результатов, только дыма становилось больше. Компания скукожилась вокруг умирающего огонька, пытаясь хоть как-то его реанимировать. Но ничего не получалось. Лишь тускло краснели догорающие угольки жара, а наложенные сверху сухие ветки упорно не хотели гореть. Ребята жались все ближе друг к другу. Вместе с навалившейся темнотой пришли и

нехорошие мысли.

— Все, надо уходить, — твердо сказал Толик.

— Стоп. А ну-ка отодвиньтесь, сейчас кое-чего попро-бую, — предложил Паша.

Он взял открытую бутылку водки и обильно брызнул в костер. Это мгновенно произвело нужный эффект: спирт, вспыхнул ярким пламенем, костер затрещал разгораясь с новой силой. Вспышка огненного света озарила окружающее пространство и компании открылась ужасающая картина. Все в немом недоумении смотрели на Серегу округленными от страха глазами. На нем был одет все тот же дурацкий балахон, который они с Толиком накануне смастерили.

Серега не понимал, почему это все на него так пялятся.

— Ей... вы чего... чего на меня зеньки тарашите?! — испугано спросил он.

Оцепеневшие товарищи не проронили ни звука.

Через секунду Серега почувствовал... учуял за спиной зловещий холод и... прикосновение. Он скосил глаза вправо и... о ужас! За спиной кто-то стоял, а на его плече лежала черная, как смоль рука с длинными черными ногтями. Он ощутил, как к затылку что-то прикоснулось и, обомлел. Голова незнакомца приблизилась к его уху. Серега учуял смрад. Запах тех самых серных рудников... и

услышал всего четыре слова, так ему знакомых. «Отдай... мне... свою... душу...!» — Это была последняя осознанная его мозгом фраза в этой короткой жизни. Глаза вмиг подернуло черной пеленой и сознание его покинуло.

Идея плеснуть водки в костер у Паши зародилась спонтанно и, он незамедлительно ее исполнил. Разгоревшееся пламя ввергло всех в глубокий шок. Такого, конечно же, не ожидал никто. При свете костра, Серега, в своем глупом наряде, походил на малолетнего монаха из средневековья. А на фоне *того*, что стояло у него за спиной, выглядел маленьким беззащитным мышенком, судьбу которого решает страшный котиче.

Паша видел ужасную руку, лежащую на плече бедного Сереги. Ее владелец возвышался черной тенью позади него. Высокий — около двух метров силуэт, закутанный в мешковатое одеяние с нахлобученным на голову капюшоном. Лица не видно, но это, наверное, к лучшему...

— «Тот самый... с кладбища, о котором рассказывали». — Подумал Паша.

Затем в голове промелькнула мысль вторая:

— Сейчас *оно* держит в руках своего подражателя. Серега обречен.

Затем третья:

— Все повторяется... это уже не розыгрыш.

Паша видит, как темная фигура склоняется над горемыкой, и... что-то шепчет тому на ухо. Лицо товарища лишено эмоций, оно сильно бледнеет, а затем становится пепельно-серым. Глаза резко меняются — темнеют, и в считанные секунды становятся абсолютно черными. Это зрелище ужасает Пашу больше всего, и он, сегодня уже в который раз пытается назад.

Видно, что из парня уже ушла жизнь. Таинственный незнакомец аккуратно опускает его на землю и устремляет свой взор на остальных... и тут ситуация усугубляется еще больше. Костер гаснет так резко, будто на него вылили ведро воды. Все оказываются в кромешной тьме.

Паша думает, что ОНО же тоже здесь! Где-то, совсем рядом... и орет надрывистым голосом что есть мочи. — БЕЖИ-И-И-И-М!!!

Вся компания, вопя от ужаса, бросилась врассыпную.

Паша, не медля ни секунды, сорвался с места и помчал со всех ног в сторону поселка. Он летел с выпученными от страха глазами, как перепуганный заяц. Позади, вроде, слышался какой-то шелест. Он припустил еще быстрее. О том чтоб оглянуться и посмотреть, что там за спиной, не могло быть и речи. В полной тьме, как назло, под ногу попала ветка, Паша потерял равновесие и ушел в крутое пике. Боль не имела значения. Главное поскорей

подняться... Перевернувшись на спину, он первым делом избавился от чего-то непотребного попавшего ему в рот во время приземления. Сплюнув гадость, взглянул перед собой, и снова обомлел от ужаса. Преследователь был уже рядом. Над его лицом... склонилось темное пятно.

Паша, собрав остатки воли в кулак, и прорывав — «Вот тебе, мразь!» — что есть мочи заехал кулаком по неприятелю. Тот издал жалобный звук «ка-у-у» и отскочи в сторону. В действительности, оказалось, что страшный неприятель — это всего лишь его Джеки, преданно бежавшая за хозяином.

— Ой! Прости дорогая, — буркнул он. — Я совсем... о тебе забыл.

Пашка погладил псину по загривку, при этом высматривая, нет ли рядом кого еще... Вроде никого. Не слышно ни звука. Гробовая тишина пугала.

Никто из друзей за ним не выбежал. Пашка расслаиваться не стал. Поднялся и потихоньку поковылял домой с болью в сердце и во многих других местах.

Глава V

Ночные приключения

В два часа пополуночи поселок мирно спал. Пустынную улицу освещали лишь редкие фонари. Дорога, петляя изгибами как заправская змея, терялась в непроглядной темени. Ночную тишину нарушал лишь стук каблуков по асфальту да тихий говор тройцы путников.

Компания подошла к очередному повороту.

Один из парней заметил, как поперек трассы проскользнуло какое-то темное пятно. Возможно небольшое животное. Похоже что кошка. Может даже черная.

...Черная кошка — перебежала дорожку...

...мы не пойдём — этим путем...

Парень резко остановился, остальные ребята хоть ничего впереди и не заметили, но через пару шагов тоже тормознули. Егор стоял, как вкопанный, глупо моргая. Вид у него был растерянный.

— Туда идти нельзя... — сдавлено выдавил он, — там кот... Баюн...

— Какой еще Баюн?! — Удивился один из его товарищей по имени Славик. — Егор ты чего?..

— Ты же, вроде, ничего такого не курил, — добавил, не без издевки, второй спутник из тройцы по имени Паша. — Егор-бугор, ты наверно

переутомился немного. Уже и коты тебе мерещатся. — Он слегка потормошил товарища за плечо, а тот, словно кукла-манекен, стоял столбняком на одном месте. Он с явным страхом в голосе повторил. — Я вам говорю... там кот Баюн — туда нельзя идти...

— Да хорош тебе пургу нести! — Успокаивал Егора Славик. Он был младшим в этой троице и, вдобавок, самым разговорчивым и шубутным. Рот у него закрывался очень редко и обычно совсем ненадолго. О таких деятелях обычно говорят, «язык без костей».

— Егор — там, по-моему, вообще ничего нет, — не заверял друга Славик, — а если что-то и есть... что в этом опасного? Что опасного в каком-то там коте?.. Сейчас я быстренько сбегаяю и посмотрю, что там за зверюга.

— Не надо... опасно, — сдавленно повторил Егор. Он смотрел на Славика затуманенным и одновременно испуганным взглядом.

Пашу, кажется, тоже посетила тревога. Он немного растерялся. Просто, молча глядел на Славика, но в глазах его не было одобрения идеи глянуть поближе, что там и к чему».

Славику совсем не понравилась эта затравленность друзей.

— Да не гоните вы беса! — гаркнул он — Какой, нахрен там Баюн?! Я быстро — туда и назад.

Подумаешь, котяра какой-то! Я ему сейчас как дам под зад, полетит через забор! А вам ребята, наверно, в психбольницу... не мешало б заглянуть. Мож какие-то укольчики прописали бы... или таблеточки... чтоб коты не мерещились!

Развернувшись, он зашагал в темноту и метров через двадцать полностью скрылся из вида. Егор и Паша остались стоять вдвоем. Непонятный страх их не отпускал. В полном оцепенении они молча всматривались во мглу скрывшую их товарища.

Вдруг, в свете слабенького фонаря действительно появился кот. Он вышел из темноты, остановился, ошетинился и изогнул спину дугой, как делают все коты почуяв опасность.

Егор и Паша напряглись еще сильнее... и через пару секунд начали происходить действительно странные... и очень даже страшные вещи. Кот стоял в боевой стойке. Хвост, торчащий трубой, начал удлиняться. Не успели наблюдатели даже моргнуть, как тот увеличился чуть ли не до метровой длины и опустился на землю. Зверь поднялся на задние лапы, его тело начало стремительно расти. Сгорбленная фигура становилась все больше и больше. Секунд через десять под фонарем стояло двухметровое чудище.

В мгновение ока кот ринулся в темноту и воздух тут же разорвали душераздирающие вопли

Славика. Крик был страшен — словно человека живьем раздирают на части.

Пашка с Егором будто приросли ногами к асфальту. Оцепенение сковало по рукам и ногам. Вдруг, стенания резко оборвались и это обстоятельство вывело их из ступора. Желание было только одно — убежать и спрятаться. Они бросились наутек. Мчали как полоумные не разбирая дороги. Свернули с дороги на абум и, уткнувшись носом в какую-то калитку, остановились. Оба оглянулись назад — к их ужасу преследователь был позади, и уже почти рядом. Вопя от страха, они вбежали во двор и ринулись к спасительному дому. Входная дверь оказалась не заперта. Жилище было не обитаем. Просто пустая коробка с дверями. Внутреннего замка и даже простой защелки на входе не оказалось.

Ввалившись в коридор, парни сообразили, что сами себя загнали в мышеловку. Но назад путь отрезан. Двинулись вглубь. За следующей дверью оказалась почти пустая комната. Ветхий стол в ее центре был тут единственным жильцом.

Входная дверь позади них скрипнула. Преследователь настигал свою цель. Мало что соображая, горемыки метались в поисках убежища.

Егору бросилась в глаза дверь, ведущая в очередную комнату. Он стремглав вбежал туда и захлопнув за собой единственную перегородку.

Находясь почти в полной темноте, он мертвой хваткой впился в ручку. Он увидел что, между дверью и полом имеется зазор. Опустился на колени и посмотрел в щель, пытаясь разглядеть происходящее в зале. Странно, но там было не слишком темно, и часть комнаты просматривалась. Бедный Паша притих, наверно, тоже где-то спрятавшись.

Егор увидел то, чего лучше бы не видеть вовсе. Две большие черные лапы. Кот, «как человек» на задних ногах расхаживал по комнате. Потом конечности пропали из поля зрения..

Вдруг сердце Егора похолодело в один момент, а может, и вовсе остановилось. С противоположной стороны щели на Егора глядели два большущих зеленых глаза. Огромный черный нос ткнулся в проем.

— Конечно, он меня учуял, — подумал Егор, — он же зверь...

В следующую секунду ужас сковал его полностью. Егор понял — преграда между ними исчезла. Спасительная дверь... куда-то подевалась. Рука, держащая ручку, сейчас сжимала пустоту... Перегородка между ними просто пропала.

Егора и чудище разделял лишь пустой дверной проем.

Огромная черная морда пялилась на него ярко-зелеными глазищами. Черные усы,

лоснящаяся шерсть, белые клыки; все это находилось в полуметре от его лица. Совершенно не отдавая отчета своим действиям, Егор перекрестил кота.

В ответ на сей жест — тот только злорадно улыбнулся и глухим голосом произнес одну единственную фразу — *«У кого правища отсохла — тому крест не поможет... Не поможет он ни тебе, ни мне»*.

Слова резанули Егора, словно нож, а кот, будто потеряв к нему всякий интерес после сказанного, снова поднялся на задние лапы, и двинулся в центр комнаты.

Егор сообразил — он направился к Паше. Так же он смекнул — эти несколько секунд его последний шанс. Быстренько выглянул из комнаты. Кот уже подходил к столу, с обратной стороны которого стоял бледный как полотно Пашка. Губы беззвучно шевелились. Он читает молитву.

... у кого правища отсохла...

— Молитвой тут вряд ли отделаешься — мелькнуло у Егора, и он стремглав кинулся в коридор к спасительному выходу. Но, как назло, зацепился о что-то ногой и растянулся на полу. Как можно быстрее попытался подняться. Находясь на четвереньках, он, буквально, физически чувствовал на своей спине цепкий взгляд кота.

Это заставило его резко развернуться. Монстр

уже стоял рядом, нависая всей своей громадиной. На черной лапе угрожающе сверкнули длиннющие, белые, как слоновая кость, когти. Егор просто тарасился на зверя, сидя на пятой точке. Когти взметнули в воздух и прошлись по его правому предплечью. Он не почувствовал боли, но заорал истерическим криком и ...

...очнулся.

Проснулся у себя в кровати в холодном поту, разбуженный собственным воплем. Уже было утро, и довольно позднее. Егор понял — это всего лишь сон. *Всего лишь?*.. Первым делом пощупал правое предплечье — вроде все нормально, не болит. Взглянул на то место, где чудище полосонуло когтями, и к своему ужасу увидел: на тыльной стороне предплечья появились три продольных красных полосы, похожих на шрамы от старого ожога. Поневоле вспомнился Фредди Крюгер.

Егор протер глаза, стараясь собраться с мыслями. В голове полный кавардак, гудело там как от приличного похмелья. Он понимал — это сон. Но и соображал, что не совсем. Красные полосы на руке этому подтверждение.

Привыкший доверять своим ощущениям он никогда не старался понять или объяснить непонятные и необъяснимые вещи, лишь посредством чисто-логического умозаключения. Сейчас просто чувствовал — что-то не так, и не

только с ним, а вообще. Происходят какие-то перемены, которые явно не к добру.

Поднявшись с кровати он понял что ноги его не держат. Пришлось присесть обратно. Потерев виски, Егор слегка потряс головой. От этого стало только хуже. Он почувствовал, как ком подкатывает к горлу, и понял, что его вот-вот стошнит. Быстро кинулся к унитазу и еле-еле успел. Из рта хлынул поток жидкости, но почему-то черной. Он испугано взглянул на остатки гадости на дне унитаза и его чуть не стошнило повторно. С омерзением сплюнул остатки рвоты. Нажал кнопку смыва и вышел из туалета напрямиком на кухню. Сейчас единственным желанием было прополоскать во рту. Открыл кран — воды там не оказалось.

— Что за дела?! — подумал в голос. Подошел к холодильнику, вытащил бутылку минералки. Отхлебнув, обильно сполоснул рот и выплюнул содержимое в раковину.

Взглянув на себя в зеркало, удивился виду бомжевидного человека глядящего оттуда. Видок действительно еще тот — будто вчера полночи пропьянствовал. Но вот только не пил он вчера, вообще. Однако ощущения говорили об обратном.

— Сейчас мне нужен только кофе, — сделал он свой заказ пустой кухне. Включил газовую плиту. Тоже не работает. Электрический чайник так

же бесполезен. Электричества нет.

— Твою мать! — зло выругался он — Что ж это такое?!..

Так. Придумал. Ану-ка...

Вторично открыл холодильник и вытащил бутылку кока-колы. Налил полчашки, насыпал туда полторы чайные ложки кофе, хорошенько размешал и залпом осушил содержимое. Раньше он никогда не пробовал это средство, но слышал, что хорошо помогает. Эффект наступил почти сразу и весьма неожиданный. Пришлось в срочном порядке бежать на новое свидание с унитазом. Опустошив желудок вторично, но уже, слава всем святым, не черной гадостью, а кока-колой разбавленной растворимым кофе, Егор смекнул, если он сейчас же не доползет до кровати, то вырубится прямо в туалете.

С трудом поднялся на ноги и поковылял в спальню, завалился на кровать и моментально уснул.

* * *

Он находился в незнакомом месте. Это был необычный город. Не очень похожий на те, в которых Егор бывал раньше. Он стоял один посреди улицы и осматривался по сторонам. Широкий проспект почти что пустынный, только

кое-где вдали сновали немногочисленные прохожие. Здания по обе стороны стояли многоэтажные, но не высотные, этажей по пять или шесть. Практически все выстроены из красного кирпича. Строения имели хмурый и обшарпанный вид. Над головой нависало грязно-оранжевое небо. Безоблачное и какое-то затемненное. Обстановка навивала гнетущие и тревожные ощущения.

Егор взгляделся ввысь и высоко-высоко усмотрел парящую птицу. Она дрейфовала, будто парусник в океане... и медленно снижалась. Ее силуэт прорисовывался все отчетливей. Уже были видны громадные черные крылья, лавирующие в потоках воздуха, и не только крылья... Он понял — это не совсем птица. Человекообразная крылатая фигура спускалась на землю. Темно-серый силуэт походил на ангела. Но не светлого.

Егор понял, если *оно* приземлится, то скорее всего прямо ему на голову.

— Он ищет меня, — мысленная фраза прозвучала как вердикт. Интуиция прокричала Егору — *«ищет меня»*, в самое ухо. Доказательств тому не требовалось. В момент осознания страх нахлынул холодной волной. Он почувствовал себя затравленной дичью и понял, что скоро начнется охота.

Огляделся вокруг себя подыскивая укрытие. Рядом оказался небольшой сарайчик. Он

опрометью ринулся к спасительному помещению. Заскочил внутрь и прислонил за собой дверь. Но прикрыл ее не полностью, оставил небольшую щелочку для обзора.

Припал к ней глазом, затаив дыхание.

Темный ангел, *Егор точно знал, что это именно ангел*, медленно спустился на землю и сложил крылья за спиной. Это был мужчина, одетый во все черное, с седыми длинными волосами. Стоял он посреди улицы, где минуту назад находился Егор и хищно зыркал по сторонам, высматривая свою жертву. Даже принюхивался — как собака — показалось Егору.

Потом он сдвинулся с места и исчез из поля зрения. Егор, немного успокоившись, вздохнул, но выбираться из укрытия не стал. Он понимал; сарайчик — не очень-то надежная крепость. Если темный ангел его учует, то шансов нет. Местность незнакомая. Где еще можно спрятаться и куда убежать, он не знал. Все что оставалось — притаиться и надеяться на лучшее.

Прислушиваясь к звукам с улицы, Егор высовывать нос наружу пока не решался. Поначалу все было тихо и спокойно, а потом понеслась канонада: грохнуло так, будто стена огромная рухнула. Затем снова гроыхнуло, словно упало что-то большее. Послышался звон разбитого стекла, заорали люди. Ощущение такое, будто на

голод сбрасывают бомбы.

Нервы Егора уже не выдерживали, он открыл дверь и выглянул наружу.

Происходящее там его ужаснуло. Один дом был полностью разрушен. Он превратился в груды обломков. Егор увидел «темного» — тот, взмахивая крыльями, завис в воздухе возле следующего здания. Всмотривался в окна, и искал, его — Егора. Не найдя добычи ангел разрушил второй дом.

Егор собрался убежать. Куда? Он не знал. Но оставаться здесь точно не имело резона. Если ТЕМНЫЙ доберется и до хижины — это конец.

Выскользнул из укрытия и помчал по улице, что было мочи. Позади снова грохотнуло. На открытом пространстве долго задерживаться нельзя. Заметит. Надо искать какие-то закоулки, подворотни, что-нибудь, лишь бы скрыться из вида этого чудовища.

Свернул в первый попавшийся проулок. Увидев открытый подъезд — заскочил туда. Стал подниматься вверх по лестнице. Преодолея первых два этажа, начал подъем на третий и на лестничной площадке остановился потому что...

Внизу затрещала и обрушилась лестница.

ТЕМНЫЙ настиг его, и сейчас стоит прямо за спиной. Но как не странно, в этот миг страх ушел полностью. Просто улетучился, сменившись злостью и ледяным спокойствием.

Егор развернулся, чтоб взглянуть в глаза преследователю. Пусть и последний раз в своей жизни. Но без страха.

Перед ним стоял мужчина, выглядел он лет на пятьдесят, лицо его как камень, не выражало ничего. Серо-зеленые глаза смотрели в упор на Егора. Пепельные волосы свисали до самых плеч. Темно-серые крылья сложены за спиной. Руки скрещены на груди.

— Слышь дядя, тебе чего от меня надо-то? — спросил Егор почти обыденным тоном.

ТЕМНЫЙ сморщил брезгливую мину, будто не ожидал подобной хамовитости.

Дядя?.. Вряд ли загадочному крылатому господину, приходилось часто слышать подобное обращение в свой адрес.

Отвечать он не торопился. Просто стоял и рассматривал Егора, словно оценивая новую находку.

— Все узнаешь. Очень скоро. — Наконец ответил ТЕМНЫЙ. — Я сюда не убивать тебя прилетел, да ты верно и сам это знаешь.

Егор молча кивнул. Он, конечно, сообразил — этот *дядечка* давно бы его убил, имей он такое желание.

— Ну что ж, — снова молвил ТЕМНЫЙ, — пожалуй, начнем. — Он сложил ладони лодочкой, будто перед молитвой. Склонил к ним голову и

начал лепетать какую-то тарабарщину. Смысл Егору был мало понятен. То ли это цитаты из какого-то святого писания, то ли он произносит заклинания. Он понял только то, что речь идет о Боге, о вере и о кресте.

ТЕМНЫЙ резко прервал монолог, двинулся вперед, одним движением сорвал с Егора нательный крест и тут же отступил на шаг назад. Держа крестик в открытой ладони, он произнес еще несколько непонятных фраз. Потом разломил крест пополам и вложил обе половинки в руку Егору. Тот непонимающе таращился на две г-образные половинки.

Затем ТЕМНЫЙ вытащил из-за пояса *что-то*. Егор понял: у него в руке обломок старинного копья. Он сразу сообразил, что видел его раньше. В одной телепрограмме речь шла об артефактах, этот самый сломыш, хранился в каком-то из заграничных музеев. В программе речь шла об Адольфе Гитлере. Тот страстно желал заполучить этот артефакт. Но ему это, кажется, так и не удалось. Именно это копьё оборвало жизнь Иисуса Христа на горе Голгофе. Гитлер считал, что эта вещь обладает огромной магической силой, поэтому и хотел занять ее в свой арсенал.

Крылатый господин, вооруженный «сломышем», снова ринулся вперед, одной рукой схватил растерянного Егора за грудки, а второй,

державшей копьё, уколол того прямо в горло под подбородком. Проделав эту непонятную манипуляцию, ангел снова отступил назад.

Укол был несильным, и уж никак не смертельным, но все же, приятного в нем было мало. Егор в немом недоумении ощупал свою шею, на руке оказалось немного крови. Рана оказалась всего лишь глубокой царапиной. Даже не болела толком.

Вопрос — «Что же, черт возьми, все это означает?» — застрял у него в горле.

ТЕМНЫЙ, с вполне удовлетворенным видом, спрятал обломок копьё за пояс и произнес:

— Ну, вот и все — Хитрый пес. Можешь пользоваться привилегиями. Я еще вернусь. Вернусь с подарком, когда придет время, а оно придет... обязательно .

Это была его последняя фраза. Все изменилось вновь очень быстро.

Егор вместе с ангелом оказался уже не на лестничной площадке, а на улице.

ТЕМНЫЙ быстро уходил. Егор спешил за ним, стараясь догнать, но не успевал. Расстояние между ними росло неумолимо и ТЕМНЫЙ смешался с толпой. Уже наступила ночь, но народ толпами валил по улице. Егор увидел впереди похоронную процессию, там же мелькнул силуэт ТЕМНОГО.

Егор увидел, как тот подскочил к гробу, склонился над покойником, положил руку на голову и что-то сказал. Усопший тут же поднялся в гробу, приняв сидячее положение. Он непонимающе озирался по сторонам.

Люди завопили, в страхе бросили гроб на землю и разбежались кто куда. Темный громко захохотал и исчез совсем. Это была его последняя шутка... и

... Егор снова проснулся. В голове гремело одно слово — ВОСКРЕШЕНИЕ.

На этот раз он первым делом потрогал шею, но все оказалось в норме.

Он понял, что после стычки с «черным ангелом» чувствует себя намного лучше, чем после свидания с «черным котом». Глова не болела, мысли не путались. Однако возникло одно навязчивое желание.

Намереваясь, сейчас же его исполнить, он встал с кровати, подошел шкафу, открыл дверцу и вытащил оттуда колоду карт. Но не игральных. Карты, в этой колоде изображали ангелов. Причем как ангелов света, так и ангелов тьмы.

Он, не задумываясь, вытащил одну на абум, и взглянул на изображение.

Оно оказалось знакомым. На него смотрел тот же самый «черный ангел» из его сна. На картинке ТЕМНЫЙ выглядел немного моложе, чем во сне,

но в целом — очень похож. Егор прочитал имя ангела — «Даббиэль» — ангел коварного использования власти.

Егор, сам себе улыбнувшись, подошел к зеркалу и придирчиво осмотрел свое горло. Увидел то, чего и ждал. Небольшой красноватый рубец, будто след от укуса однозубого вампира. Потрогал пальцами. Не больно. Но и не особенно приятно.

Глава VI

Кладбищенские мотивы

Вячеслав Гаспарян, для многих просто Славик, стоял среди группы молчаливых людей. Настроение у него было паршивым, подстать мрачной погоде. Небо заволокли сизые тучи, порывистый ветер подвывал, шастая по кладбищу.

Предстояли двойные похороны. Пара свежерырытых ям предназначалась для семейной пары, погибшей вчера непонятной смертью. Погребение вот-вот должно начаться. Присутствующие ждали молча. Глубокая печаль отпечаталась на их лицах. Слишком много сразу всего навалилось.

Славик ощупывал в кармане спичечный коробок. В нем лежали две очень необычные вещицы.

«Мало того, что трупы страшные... —

думалось ему, — так еще и это...»

Он мысленно вернулся назад во вчерашний день, принесший немало непонятных сюрпризов. На пару с Коржаковым они поехал осмотреть эти странные трупы, как и было запланировано ранее. Славик понимал, что точного определения причины смерти людей от него никто не требует. Он не патологоанатом и даже не врач, чтобы делать какие-то там экспертные заключения или что-то в этом роде.

Прибыв на место происшествия, Вячеслав Гаспарян вместе с Александром Коржаковым вошли в тот самый злополучный дом, в котором прошлой ночью умерли Сергей и Ирина Яковлевы.

Войдя в комнату, где лежали тела, Славик сильно напрягся, руки начали подрагивать, нервы напряглись как натянутые струны. Коржаков, заметив мандраж ветеринара, похлопал того по плечу и негромко подбодрил:

— Не переживай ты так, дружок, все будет нормально.

В ответ, Славик лишь молча кивнул головой.

Тела уже были переодеты в похоронную одежду. Сергей одет в черный костюм и белую рубашку, Ирина в черное платье. Контраст между одеждой и цветом их кожи был ошеломительным и несопоставимым. Взглянув на тела издали, вполне можно предположить, что люди погибли в пожаре,

но при осмотре с близкого расстояния картина сильно менялась: трупы не обезображены, а даже совсем наоборот — они выглядели слишком опрятно, походили на манекенов изготовленных из черной пластмассы.

Группа бледнолицых родственников, молча смотрела на «прибывших гостей», в их взглядах читался страх. Страх, замешательство и надежда. Надежда на то, что им сейчас объяснят причину смерти обоих Яковлевых.

Новоявленные «эксперты» кивнули головами хозяевам в знак приветствия и направились прямым ходом к умершим. Славик подошел к телу Сергея и немного склонился над ним.

Его переполняли противоречивые эмоции, страх и даже может отвращение смешались с любопытством и профес-сиональным интересом. Он неуверенно потрогал пальцем щеку — холодная. Текстура кожного покрова нормальная — «Похоже на черную кожаную куртку» — подумал он. Затем, поразмыслив, что делать дальше, приподнял веку мертвеца. Увидев глазное яблоко, он чуть не отшатнулся — глаз зиял чернотой. Едва различались оттенки черного — роговица и белок лишь чуть светлее зрачка. Славик, приложив некоторое усилие, опустил веку и оно скрыло ужасный глаз. Это черное яблоко, вызвало у него панический страх. Ощущение чертовски

неприятное. Он чувствовал себя участником фильма ужасов.

Второй раз осматривать такие «глазки» он бы не захотел ни за какие коврижки. Далее он внимательно осмотрел лицо, шею, руки и всю поверхность кожи не прикрытую одеждой. Никаких видимых следов, повреждений или неестественных образований не обнаружил. Как-то вдруг в голове у него возникла неожиданная мысль, он повернул голову к родственникам и почти шепотом спросил.

— Можно я сделаю маленький надрез?.. На руке.

Тамара — мать Ирины, кивнула в знак согласия. Понятно, что ни о каком вскрытии, речь уже не шла. Тела подготовлены к похоронам. Предлагать родственникам провести вскрытие, в данном случае — как минимум некорректно, да и наверняка бессмысленно. Вряд ли Славик, пусть он и профессиональный ветеринар, смог бы правильно его осуществить, к тому же сейчас лето и жара быстро сделает свое дело — нет времени. Но все же, ему хотелось хоть одним глазком взглянуть на внутренние ткани — что же там?

Вытащив из кармана скальпель, он сделал маленький надрез на руке Сергея. Мышечные ткани тоже оказались абсолютно черными. Будто вместо крови — чернила. Кроме этого, Славик уловил своим носом еще одну странность. От тела исходил

непонятный и абсолютно не знакомый ему запах. Он предположил, что это какое-то растительное вещество. Где-то на задворках подсознания у него всплывали университетские лекции, что-то похожее было, но... он не помнил.

Затем ему почему-то захотелось заглянуть в рот покойника. Просто захотелось и все тут, будто внутренний голос шепнул — «Посмотри что там». Следуя совету своего подсознания, он надавил на подбородок и рот раскрылся. Естественно вся внутренняя полость тоже оказалась черной, даже зубы. Присмотревшись, Славик заметил, что во рту есть что-то инородное, какой-то предмет. Он наклонился еще ниже, сощурился, всматриваясь в черный зев. Ему казалось — оттуда сейчас вылезет здоровенный тарантул и обязательно тяпнет его за палец. Но повнимательнее рассмотрев ротовую полость, он понял, там вовсе не коварный тарантул затаился, а какая-то штуковина, и вряд ли она живая. Предмет округлой формы и тоже черный. Славик извлек его двумя пальцами. Оказалось, это что-то вроде камешка. Черный кругляшек, небольшого размера, очень похож на морскую гальку. Он поднял его перед собой демонстрируя окружающим.

Народ в немом изумлении глазел на необычайную штуку. Родственники неуверенно подошли поближе, чтоб взглянуть находку.

Коржаков взял камень в свои руки — рассмотрел его пристальным взглядом со всех сторон и, возвращая Славику, предположил:

— Может, это его и убило?..

Тот молча пожал плечами, не высказывая никаких гипотез. Мог ли простой камень, попавший каким-то образом в рот, вызвать такой эффект? Ему это показалось маловероятным, но все же возможным. Родственники возбужденно зашептались.

— Вы и у нее тоже посмотрите, — робко предложила Тамара, указывая на тело дочери.

Славик осмотрел тело Ирины — во рту женщины оказался почти такой же камешек.

Коржаков настоял на том, чтобы забрать камни с собой. Возражать никто не стал и, сейчас оба загадочных кругляшка хранились в спичечной коробке в кармане у Славика.

После осмотра тел Коржаков отвез его домой. Он предложил Славику хранить камни у себя. Раз уж это он их обнаружил. Главное, чтобы не потерял. Экс-прокурор попросил Вячеслава вечером подойти к зданию поселкового совета на очередное собрание. Там они узнают, что выяснили охотники, обследовавшие местность.

Славик немного отдохнул после всех нервных переживаний, и вечером, как ему и предложили, пошел на сборы.

Компания в поссовете собралась почти в том же составе что и в первый день. Охотники вернулись с похода.

Сообщили они, что, дескать, ничего нового не обнаружили. Группа, обследовавшая периметр границ поселка, заявила что «черные лужи», в которых фермер Кочетов утопил свою машину, действительно есть. Их там огромное количество и соваться туда точно не стоит. Сам Андрей Петрович, входивший в состав этой же группы, рассказал, что к «лужам» они слишком уж близко не подходили — в целях собственной безопасности. Просто бросали туда камни, а их моментально поглощала эта непонятная субстанция, которая и вода — не вода, и грязь — не грязь, и вообще — черт знает что.

— А место это!.. — возбужденно тараторил на собрании Кочетов, — очень сильно пугает! Будто там сам черт сидит! Как отойдешь метров на сто назад — вроде и ничего становится. Если ближе подойти — просто жуть! Похоже — будто стоишь в шаге от края пропасти без страховки, и смотришь вниз. Ноги становятся деревянными, а сердце стучит, как отбойный молоток. Будто там есть какая-то телепатическая штука... влияющая на мозг.

Кочетов вел свой доклад, а остальные мужчины в нужных местах поддакивали и кивали

головами. Мол, все-все чистейшая правда: «страшно там, и все — хоть ты тресни!»

Вторая группа, обследовавшая западные болота, тоже особо не преуспела. Результат оказался почти таким же.

По внешним признакам все осталось неизменно, болота как болота. Ничего видимого там не добавилось и не изменилось. Но это только с виду все как будто по прежнему.

Внутренние ощущения людей говорили об обратном. Там, словно невидимая линия очерчена, не дающая проходу. Будто незримое ограждение установлено. Словно там колючая проволока, к которой подключен электрический ток смертельно-высокого напряжения. ПОДХОДИТЬ ПРОСТО СТРАШНО.

Когда группа приблизилась к болотам — накатило сильное ощущение непонятного и просто параноидального страха. Словно там, что-то ужасное сидит. Ужасное и невидимо. Всем в головы только такие мысли и лезли, просто хотелось бежать со всех ног без оглядки.

О сем тараторила вся вторая группа, один поперек другого. Когда приблизились к болотам, у одного участника похода кровь носом пошла, еще одного вырвало ни с того ни с сего. У остальных тоже ноги подкашиваться стали. Нервы сдали окончательно. Так что, по добру по здорову,